

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

У. С. ГОУВЕРНМЕНТУ РЕПУБЛИКИ СОВЕТОВЪ 1920

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

206
1799

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ.

—
ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

—
№ 1 — ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.

Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., № 4-й.

1899.

Δ
P Slav 392.10
✓

51 * 17

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владимира.
Ректоръ *Θ. Фортинскій.*

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I—официальная.

- I. Положеніе о стипендіяхъ имени М. И. Шеленговской и П. Ѳ. Симиренко 1 — 2
- II. Рецензіи на сочиненіе врача А. В. Корчакъ-Чепурковскаго, представленное въ Медицинскій факультетъ для приобрѣтенія степени доктора медицины 1 — 40

Часть II—неофициальная.

- I. Очеркъ критическихъ сужденій о Руссо. — Стипендіата Н. К. Бонадорова 53 — 80
- II. Борьба Польши съ козачествомъ во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Сочиненіе, удостоенное Историко-Филологическимъ факультетомъ золотой медали. Оконч. курсъ В. В. Волы-Карачевскаго. 53 — 132
- III. Низшія пасѣкомыя (Collembola) Шпицбергена (съ рисунками).—Студента А. М. Щербанова. 1 — 6

Критика и библиографія.

- IV. Еще разысканія и вопросы о Болоховѣ и Болоховцахъ. — Проф. Н. П. Дашевича 1 — 63

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

- V. Приложенія къ Протоколамъ Кіевскаго Юридическаго Общества за 1898 годъ 1 — 69

П р и б а в л е н і я.

- I. Метеорологическій и Сельскохозяйственный бюллетень Кіевской Метеорологической обсерваторіи Университета Св. Владимира (за январь 1898 года), издаваемый приват-доцентомъ І. І. Косоноговымъ 1 — 37
- II. Объявленіе о конкурсѣ на вакансію по кафедрѣ исторіи западно - европейскихъ литературъ въ Новороссійскомъ Университетѣ.
- III. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ въ 1899 году 1 — 40

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Еще разысканія и вопросы о Болоховѣ и Болоховцахъ.

For truth can never be confirmed enough.

Shakespeare.

Мрагъ, скрывавшій и скрывающій отъ насъ судьбы многихъ мѣстъ южно-русской территоріи въ періодъ до-татарскій и во времена злой татарщины, уступаетъ мало по малу научной пытливости, но все еще есть немало темныхъ и непорѣшенныхъ вопросовъ въ южно-русской исторіи, разъясненіе которыхъ могло бы обогатить науку весьма интересными и важными данными.

Вопросъ о мѣстности Болохова, о населявшихъ ее Болоховцахъ и о загадочныхъ Болоховскихъ князьяхъ, выступавшихъ въ какой-то особой роли въ теченіе цѣлой четверти XIII в., въ поворотный моментъ южно-русской исторіи, въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ ея эпохъ, принадлежитъ къ числу такихъ проблемъ, требующихъ, кажется, настоятельнаго разрѣшенія.

Прошло уже немало времени съ момента появленія въ свѣтъ моей второй печатной работы по этому вопросу¹⁾, и я счелъ умѣстнымъ вновь остановиться на послѣднемъ и подвести итоги современному его состоянію и постановкѣ.

Я призналъ своевременнымъ подвергнуть теперь разсмотрѣнію мнѣнія о границахъ мѣстности, въ которой жили Болоховскіе князья, и

¹⁾ Университетскія Извѣстія 1884, № 6: „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ“.

о происхожденіи послѣднихъ, накопившіяся съ 1884 года, потому что въ однихъ изъ этихъ разысканій приведены новыя данныя, а другія содержатъ попытку вновь обосновать старыя рѣшенія, рассмотрѣнныя въ первомъ моемъ трудѣ о Болоховской землѣ¹⁾ и отвергнутыя мною тогда, какъ не удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ строго научнаго метода и научной осмотрительности.

Начну съ вопроса:

I.

Гдѣ находилось древнее Волохово?

Самымъ цѣннымъ и послѣднимъ по времени вкладомъ по этому вопросу явилась статья *М. С. Грушевскаго*: „Къ вопросу о Болоховѣ“²⁾, въ которой на основаніи открытаго авторомъ „листа“ польской королевы Боны 1553 г. подтверждено опредѣленіе Болоховской территоріи, представленное мною въ 1874 г.

По словамъ г. Грушевскаго, „изъ документа этого видно прежде всего, что имя Болохова въ половинѣ XVI в. носило обширное пространство, запустѣвшее въ тому времени цѣликомъ или отчасти, такъ что на немъ можно было тогда осадить немало сель“. Это пространство находилось на правомъ берегу р. Горыни, недалеко отъ нынѣшней Лепешовки, находящейся около Волынскаго Ямполя. „Села, осаженыя на Болоховѣ документа 1553 г., естественнѣе всего предполагать непосредственно за Горыню, къ югу отъ Ямполя“, „приблизительно на водораздѣлѣ верхней Горыни и Случи, въ области р. Жерди, Полквы и др. Предположенное г. Грушевскимъ „мѣсто нахождения сель, осаженныхъ на Болоховѣ XVI в., находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ территорією древняго Болохова“, какъ она была опредѣлена мною въ специальной монографіи о Болоховской землѣ, но только документъ 1553 г. „подвигаетъ районъ Болохова нѣсколько на западъ“.

Въ концѣ своей статьи г. Грушевскій приводитъ изъ грамоты 1510 г. указаніе, что въ то время существовало на р. Богѣ „locum desertum Kudincze“ и усматриваетъ въ этомъ фактѣ новое подтвер-

¹⁾ Труды третьяго археологическаго съезда, т. II, К. 1878 г., и отдѣльный оттискъ.

²⁾ Читенія въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. VII, К. 1893, отд. II, стр. 3 и слѣд. (съ картою въ концѣ книги).

жденіе предлагаемаго между прочими и мною пріуроченія этого поселения къ древнему Кудину.

По поводу документа 1553 г. и выводовъ изъ него, сдѣланныхъ М. С. Грушевскимъ, замѣчу, что есть возможность прійти и къ болѣе точнымъ опредѣленіямъ границъ мѣстности, именовавшейся тогда Болоховымъ: найденъ актъ, дополняющій свѣдѣнія, извлекаемыя изъ документа 1553 г., и по содержанию тѣсно связанный съ послѣднимъ: актъ 1557 г.

Изъ разсмотрѣнія этого акта, помѣщеннаго мною въ приложеніи къ настоящей главѣ¹⁾, явствуетъ, что пожалованіе королевы Боны войту Яну Хотимовскому „на Болоховѣ“ состояло изъ двухъ селищъ, трехъ прудовъ и дубровы. А именно Хотимовскому было дано, во 1-хъ, „у волости Кремянецкой за рекою Горынею селище пустое на Болохове отъ границы Новоставецкое“; оно носило имя „Колесьцы“; къ нему относилось три ставка, т. е. пруда: одинъ—„подъ селомъ Вороновцами на старій Гребли, а другой на реце Жерди, а третій на реце Бугъловце“ и „дуброва Кропильная“ „по обѣимъ сторонамъ реки Жерти... А черезъ дуброву до Свиное Руды, отъ Свиное Руды до Случи, а горе Случью ажъ до Острое на гору, отъ Острое черезъ Дуброву на поле до могилъ, а отъ могилъ до Шибеное Руды“. Во 2-хъ—„селище въ повете Кремянецкомъ за Горынею на Болохове (sic) на шляху Татарскомъ отъ границы Ланевецкое по obu сторонамъ реки Белозорки“.

Такимъ образомъ, предѣлы пожалованія королевы Боны „на Болохове“ могутъ быть установлены теперь вполне опредѣленно: пожалованіе было дано „войту Белозорскому“, т. е. основавшему Белозорку, и охватывало мѣстность отъ праваго берега верховья Горыни между притоками ея р. Буглокою и р. Полевой, и на югъ до истоковъ Случи (и Збруча?) и Бога включительно.

Слѣдовательно, Болохово, какъ оно разумѣлось въ указанныхъ документахъ половины XVI вѣка, занимало юго-западный уголъ той самой территоріи, которую захватывало, по моему опредѣленію, и древ-

¹⁾ Подъ № 1. За сообщеніе копій этого акта приношу искреннюю благодарность М. В. Довнаръ-Запольскому, а равно и за сообщеніе документа, помѣщеннаго въ приложеніи подъ № III.—Къ сожалѣнію, въ перечнѣ Кремянецкихъ имѣній Боны въ рукописи Orzełakiego (Bibl. zakł. nauk. im. Ossolińskich, t. VIII, Lw., 1843, 218—222, нѣтъ подробностей.

нес Болохово, и, такимъ образомъ, эти новыя данныя почти нисколько не видоизмѣняютъ представленнаго мною прежде опредѣленія, тѣмъ болѣе, что, по справедливому замѣчанію г. Грушевскаго, „по смыслу документа (1553 г.), Болохово не ограничивалось территоріею этихъ нѣсколькихъ селъ; но въ какомъ направленіи простиралось оно далѣе—на востокъ ли, въ область Хоморы и Икопоти, или въ другія стороны, на это документъ не даетъ никакихъ указаній“.

Такіе же, только юго-западные, предѣлы Болохова XVI в. указываетъ и документъ 1569 г., помѣщенный въ приложеніи къ настоящей главѣ подъ № II¹⁾. Въ этомъ документѣ подстароста Луцкій излагаетъ жалобу „служебника панее Михайлово Козинское“ на то, что урядникъ князя Юрія Ѳедоровича Вороницкаго, его бояре, слуги и всѣ подданные Воронежскіе произвели наѣздъ на имѣніе Козинской Осмиговичи и нѣсколькихъ ея людей съ различнаго рода имуществомъ „вгвалтовѣне ночнымъ обычаемъ побравъши до имени Ворончина, а оттолъ на Болоховъ подъ Збаражъ“ „отпробавили“.

На основаніи всѣхъ этихъ документовъ мы можемъ теперь съ полною вѣроятностію установить юго-западные предѣлы Болохова, потому что можно признать съ значительнымъ основаніемъ совпаденіе Болохова XVI в. съ Болоховымъ XIII в. въ этихъ западныхъ границахъ, собственно въ западномъ уголѣ, которымъ оно касалось границъ княжествъ Владимирскаго и Галицкаго.

Но вопросъ вызываетъ явившійся не такъ давно въ печати документъ, который, быть можетъ, важнѣе предыдущихъ. Разумѣемъ документъ 1433 г.¹⁾, въ которомъ король Владиславъ подтверждаетъ за воеводою Молдавскимъ Стефаномъ права, предоставленныя прежнимъ воеводамъ, и надѣляетъ его городами Цецунемъ и Хмелевымъ; „а межы тыми города и межы нашею землею рускою то границѣ будутъ вѣчныя: наипервѣи межы нашимъ городомъ Снятиномъ, а межы Шепинци, которы-жь Шепинци къ волохомъ прислушаютъ. межы тыхъ рѣка Колочинъ дѣлать. и отъ рѣки Колочина прямо поперекъ поля Болохова. алижь до великои рѣки Днѣстра. выше села Потока“²⁾.

¹⁾ Этотъ документъ сообщенъ мнѣ М. Н. Ясинскимъ, которому выражаю искреннюю признательность.

²⁾ Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв., собранныя В. А. Уляницкимъ: Чтенія въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1887, кн. III, отд. I, стр. 39—40.

Если бы придать значеніе этому указанію, то пришлось бы перенести юго-западную окраину Болохова такъ далеко на юго-западъ, какъ мы не предполагали на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, именно въ предѣлы древней галицкой земли, къ р. Днѣстру. Этому не противорѣчила бы чрезполосность владѣній, потому что нельзя же представлять границы древнихъ земель отмежеванными по прямымъ линіямъ. Да и отъ Збаража, къ которому могла подходить граница древняго Болохова, какъ то видно изъ приведенныхъ выше данныхъ, не такъ далеко до Снятина. Равнымъ образомъ необходимо имѣть въ виду, что намъ неизвѣстно мѣстоположеніе Дядькова и что Божскій, второй изъ южныхъ городовъ древней Болоховской земли, находился недалеко отъ Межибожья и во всякомъ случаѣ гдѣ-то по близости р. Бужка, притока р. Бога, либо вблизи самой р. Бога, можетъ быть къ югу отъ ея верховья. Владѣнія же галицкаго князя съ 30-хъ годовъ XIII в., повидимому, не спускались на югъ по Днѣстру далѣе Калиуса, и слѣдовательно къ востоку отъ линіи Межибожье-Калиусъ и южнѣ могло распространиться движеніе, центромъ котораго была Болоховская земля¹⁾. Но, тѣмъ не менѣе, утверждать послѣднее съ полною рѣшительностію мы не станемъ въ виду того, что мѣстности съ названіями Болохова, происшедшими, вѣроятно, отъ одного и того же корня, встрѣчаются на огромномъ пространствѣ отъ Галичины до Бѣлоруссіи и Поволжья. Не склоняютъ окончательно въ пользу гипотезы о протяженіи древней Болоховской земли до Днѣстра и такіе факты, какъ тотъ, что уже въ до-татарское время была „полеми“, т. е. степью, мѣстность, совпадающая приблизительно съ Болоховымъ полемъ XV в.²⁾, или то, что и въ половинѣ XVI в. тамъ было поселеніе „Болоховцы“³⁾. Для насъ важно полное согласіе съ лѣтописными данными, не неясными при всей скудости ихъ.

Что до южныхъ и восточныхъ границъ Болоховской земли XIII в., то, къ сожалѣнію ихъ, по прежнему, можно устанавливать лишь гипотетически.

¹⁾ Съ принятіемъ указываемыхъ границъ Тереховльскія земля не вдалась бы слишкомъ острымъ клиномъ въ Болоховскую, такъ какъ Межибожье было бы въ срединѣ ломанной линіи, конечными пунктами которой были бы приблизительно Кременецъ и Калиусъ.

²⁾ Ип. глѣт., 491.

³⁾ См. мою монографію „Болоховская земля“, стр. 20 (отдѣльнаго оттиска), прим. 58.

Для опредѣленія ихъ было бы весьма важно выяснить мѣсто жительства Бѣлобережцевъ и Чернятинцевъ, которые въ 50-хъ годахъ XIII в. примыкали къ Болоховцамъ и, можетъ быть, входили даже въ составъ союзнаго движенія, во главѣ котораго стояла Болоховская земля¹⁾, но вопросъ о Бѣлобережцѣхъ и Чернятинцѣхъ, которые разумѣлъ лѣтописецъ второй половины XIII в., остается не рѣшеннымъ и послѣ монографій г. Молчановскаго и другихъ, исправлявшихъ промахи и недосмотры, допущенные мною въ работѣ о Болоховской землѣ. Мнѣ остается предложить лишь нѣкоторыя поправки и дополненія къ прежнимъ моимъ соображеніямъ.

Если бы рассказъ галицко-волинской лѣтописи подъ 1257 годомъ о войнѣ Данила съ татарами можно было истолковать такъ, что на повлонѣ къ Данилу пришли послѣ нашествія его рати тѣ самыя, противъ которыхъ былъ предпринятъ этотъ походъ, но въ обратномъ порядкѣ лѣтописнаго перечисленія завоеванныхъ мѣстностей²⁾, то слѣдовало бы допустить, что Бѣлобережцы принадлежали къ „людямъ татарскимъ“ и жили гдѣ-то по р. Богу, можетъ быть даже тамъ, гдѣ помѣщаетъ Подольское Бѣлобережье лѣтопись, говорящая о занятіи его Ольгердомъ послѣ побѣды надъ татарами³⁾. За такое отождест-

¹⁾ *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года, К. 1885, стр. 14—15, прим. 2; ср. стр. 123.

²⁾ Ип. лѣт., 555. Слѣдуетъ сопоставить извѣстіе: „воевахуть людье Данилови же и Василюки Болоховъ, а Лвови Побожье, и люди Татарьскыя“ съ послѣдующимъ о приходѣ къ Данилу „Бѣлобережцевъ, Чернятинцевъ и всихъ Болоховцевъ“.

³⁾ По Костомарову (*Историч. Вѣстникъ*, 1880, № 5, стр. 186), Бѣлобережьемъ въ XIV столѣтіи называлось „пространство вверхъ отъ Чернаго моря между низовьями Днѣпра и Днѣстра“. Дѣйствительно, въ томъ мѣстѣ на картахъ XIV в. встрѣчаются названія, которыя Брунъ (Черноморье, I, 90 и слѣд.) изъяснилъ, какъ искаженіе слова Бѣлобережье. Ср. *Зап. Одес. Общ.*, VIII, 297 — о *barbagese*. По мнѣнію *В. Б. Антоновича*, Моногр. по ист. зап. и юго-западной Россіи, т. I, К., 1885, стр. 127. „има это изстари носило Днѣпровское порѣчье, отъ пороговъ до устья“. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до полов. XVII вѣка, К., 1886, стр. 54, гов.: „Ольгердово Бѣлобережье—Запорожье“. Ср. Молчановскаго „Очеркъ“ и пр., стр. 14—15, и мои „Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства“, К., 1885, стр. 80—81. Кажется, слѣдовало бы Бѣлобережье XIV в. сопоставить съ Бѣлобережьемъ XIII-го и, слѣдовательно, предположить его въ мѣстности болѣе близкой къ Литовско-Русскимъ землямъ. „Бѣлый Берегъ“ Дубенскаго уѣзда извѣстенъ по акту 1571 г. (*Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, М., 1893, стр. 217), и туда неправильно относили и Бѣлобережье галицко-волинской лѣтописи подъ 1231 г. Было бы въ особенности интересно установить отношеніе Бѣлобережья,

вление Бѣлобережья второй половины XIII в. съ мѣстностью того же названія, встрѣчающаюся въ извѣстїи XIV вѣка, говорило бы то обстоятельство, что и Бѣлобережье XIII вѣка, повидимому, представляло цѣлую мѣстность, какъ и Болохово, не слишкомъ отдаленную.

Относительно Чернятинцевъ можетъ быть выставлена такая же гипотеза, но настаивать на ней нѣтъ возможности въ виду большого количества отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностей, названія которыхъ подходятъ къ древнему Чернятину начиная съ Буковинскаго города Черновцевъ.

Въ дополненіе ко всему, что я говорилъ ранѣе о мѣстоположеніи Болоховскихъ городовъ въ частности, должно отмѣтить, что таковой авторитетный изслѣдователь, какъ В. Б. Антоновичъ, на основаніи археологическихъ данныхъ, т. е. изученія городищъ, пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, что и я, относительно нѣкоторыхъ городовъ древней Болоховской земли и признаетъ вполнѣ достовѣрнымъ приуроченіе древняго Деревича къ нынѣшнему с. Деревичамъ Новоградволынскаго уѣзда, Губина—къ с. Губину на границѣ Староконстантиновскаго и Новоградволынскаго уѣздовъ и Кудина къ нынѣшнему с. Кудинѣ на р. Богъ¹⁾.

Остается еще ожидать помощи археологїи для точнаго приуроченія лѣтописныхъ Кобуда, Городца²⁾, Божскаго³⁾, Дядь-

о которомъ говоритъ галицко-волынская лѣтопись подъ 1257 г. (тамъ названы Бѣлобережцы, но, очевидно, — по имени мѣстности, въ которой жили — Бѣлобережья), къ Бѣлобережью въ разсказѣ той же лѣтописи подъ 1231 г. (Ип. л., 511), т. е. рѣшить, одна ли и та же мѣстность разумѣлась въ обоихъ упоминаемыхъ лѣтописи, или же то были различныя мѣстности. Въ монографіи о „княженіи Давида Галицкаго“, К. 1873 г., я не нашелъ возможнымъ высказаться съ рѣшительностью о Бѣлобережѣ 1231 г. (см. стр. 61, прим. 1), равно и въ монографіи о Болоховской землѣ (см. прим. 43), но нынѣ я готовъ отождествлять оба Бѣлобережья, т. е. выводить Бѣлобережцевъ 1257 г. изъ Бѣлобережья 1231 г., такъ какъ смыслъ разсказа лѣтописи не обязываетъ предполагать послѣднее находящійся у самой р. Случи: оно могло быть на недалекомъ разстояніи къ югу, либо къ юго-востоку отъ ея верховья, въ предѣлахъ Киевской земли, можетъ быть на юго-западной окраинѣ послѣдней, гдѣ-нибудь у р. Бога. Ср. biele pole Болана около Бога.

¹⁾ См. „Болоховская земля“, стр. 16, и статью: „Новѣйшіе домысли“ и проч., стр. 25—27. См. еще „Волинь“, 1868, прим. 20. Докладъ В. Б. Антоновича объ указанныхъ городищахъ имѣетъ быть сдѣланъ на XI-мъ Археологическомъ Съѣздѣ. О Деревичахъ см. Slowp. II, 6.

²⁾ Положеніе Кобуда и Городца остается по прежнему сосѣмъ неяснымъ.

³⁾ Что до Божскаго, то слѣдуетъ отмѣтить соображенія г. Грушевскаго: Очеркъ исторїи Киевской земли, К., 1891, стр. 45 — 46, указывающаго вслѣдъ за

кова ¹⁾, Чернятина ²⁾, Городка и Сѣмоця ³⁾ и Бѣлобережья ⁴⁾.

Каковы бы ни были, однако, результаты археологическихъ разсыканій касательно послѣднихъ мѣстностей, можно, кажется, и теперь

Барсовымъ на с. Забужье, на лѣвомъ берегу Буга, ниже Хмельника. Мнѣ эти соображенія не кажутся убѣдительными предпочтительнѣе предъ тѣми, которыя склонили меня высказаться въ пользу с. Божиковецъ Летичевского уѣзда („Болоховская з.“, стр. 17—18, „Нов. домыслы“, стр. 28—29). Къ указанію акта 1395 г. прибавлю еще, что въ грамотѣ Свидригайла Каменецкимъ доминиканамъ 1405 г. въ числѣ свидѣтелей, бывшихъ при подписаніи грамоты, данной въ Каменцѣ, на первомъ мѣстѣ поставленъ князь Василій *Boszki* („praesentibus testibus: Wasilio Duce dicto Boszki...“ *Źródła do dziejow Polskich*, I, 155 — 156). Ср. у г. Молчановскаго, стр. 267 и 313. „Вошповце“ упомянуты въ грамотѣ Витовта 1430 г.; см. рукопись № 1802, л. 23 библиотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ.

¹⁾ Указать мѣстонахождение Дядькова признаю невозможнымъ до археологическихъ изслѣдованій. Замѣчу только, что, повидимому, въ Дятковцахъ Новоград-вол. у. найдено городище княжескаго періода. Есть еще Дядковцы Кременецк. у.

²⁾ Что до Чернятина, то географическая номенклатура въ изобиліи предлагаетъ свои услуги, которыми, однако, невозможно пока воспользоваться. Одинъ изъ Чернятиновъ былъ отданъ князьямъ Острожскимъ еще вел. кн. Александромъ. Мв. Инст. Оссолинскихъ, № 1802, л. 38.

³⁾ Гдѣ находился Городокъ, трудно пока рѣшить. О Сѣмоцѣ можно сказать то же, что сказано въ примѣчаніи о Чернятинѣ (Ср. у Грушевскаго: Очеркъ ист. Кіевск. земли, стр. 42—44). Отмѣчу для полноты собранія указаній свѣдѣнія о селѣ Сиомакахъ въ документахъ Мв. Инст. Оссолинскихъ, 3268, т. II; на стр. 392 читаемъ тамъ выдержку изъ документа 1596 г.: „Ichmє Panowie Mikolaj u Rafall Sieniawscy wielką część gruntu Czarnoostrowskiego, przy Rzekach Bohu u Bożku, leżącą posiadli u sobie przywłaszczyli, u na tym gruncie mocą u gwałtem Wioski osadzili, to iest Pahutynce, Siomaki...“—Позднѣйшій адвокатъ, говоря о провѣркѣ документа ревизіи 1568 г., замѣчаетъ: „Y z tych Utoczysk consequenter wyrazonych, zadney Wioski takoweiz Nomenklatury nie znajdujemy w tym tam trakcie, inne snadz poodmieniano, iako te Howorki, Manilowka, Siomaki, ktore reperiantur in locum tamtych, innych zaś nie dopytamy sie“ (ib., 456). — Тамъ же, на стр. 476, находимъ выдержку изъ документа 1596 г.: „Nicolaus et Raphael Sieniawscy Patruі Citati, violenter magnam partem haereditatis et fundi Actorum, ad Czarnoostrow pertinentis, penes fluvium Bohi, et Bozek jacentis occupaverunt. Villasque aedificaverunt, atque locarunt, videlicet Pachutynce, Siomaki, Hladki, Kopaczowka, Pieńkowce, Oworowce, Stawczyńce, Manilowka, Markowce et Mikolajowce, quas Villas Successor Actoribus cedere non vult etc.“.—Siomaki на Подолѣ pod Mikolajowem упомянуты въ документѣ 1596 г. въ т. I того же манускрипта (стр. 73; см. еще ib., 408). Отмѣтимъ, далѣе, упоминанія тамъ же, т. II, о Siemakowce: „Supponitur, ze Szmoylowce przezywają co iest in dispositionibus Siemakowce, a teraz one przezwali Sobkowce“ (стр. 423) ... „(grunt) Siemakowiecki, ad praesens Sobkowiecki nazwany“ (стр. 445).—Siemakowce упомянуты тамъ же по документу 1560 г., на стр. 453. — О Siemiczowce на Подолѣ въ документѣ 1544 г. см. въ той же рукописи т. I, стр. 451.

⁴⁾ Для полноты свѣдѣній отмѣтимъ существованіе Бѣлобережья на правой сторонѣ Днѣпра, противъ устья р. Сулы. См. въ „Чтеніяхъ въ Истор. Общ. Нестора-

сказать съ полнымъ правомъ, что представленное мною 24 года назадъ опредѣленіе границъ древней Болоховской земли все болѣе и болѣе подтверждается и разъясняется новѣйшими открытіями документовъ и археологическими: первыя устанавливають съ полною точностью западные предѣлы древней Болоховской земли, вторыя подтверждаютъ предложенныя мною приуроченія трехъ Болоховскихъ городовъ къ населеннымъ мѣстностямъ нашего времени, носящимъ почти тождественныя названія.

Разысканія другихъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о мѣстности древняго Болохова послѣ 1884 г., не внесли существенныхъ поправокъ въ предложенное мною опредѣленіе территоріи Болох. з., и я воздержусь отъ разбора замѣчаній о ней, вошедшихъ въ труды послѣдняго времени по исторіи Волыни ¹⁾, Подолья ²⁾ и Кіевской земли ³⁾.

лѣтописца“, кн. XI, К., 1896, стр. 142—143; см. еще *И. В. Луцкица*, Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVІІІ в., К., 1884, стр. 239: „станъ Бѣлобережнѣй, онъ же и Бѣлговъ. Это Бѣлобережье, какъ и Черноморское, не могло примыкать къ Болоховской землѣ, но нельзя ничего сказать о „Побережьѣ“ Днѣстра, о которомъ см. *Statystyczne-topograficzne i historyczne opisanie Gub. Podolskiej*, t. I, Wilno, 1820, str. 81.

¹⁾ *Андріяшевъ*, Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія, К., 1887, стр. 187—190 („Болоховская земля не входила въ составъ Волынской земли“); *Ивановъ*, Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка, Од., 1895, стр. 96—97 (замѣчаніе о Болоховѣ слабѣе, чѣмъ въ предыдущей работѣ; выводъ: „вопросъ остается открытымъ“ явился въ силу того, что авторъ не вникъ глубже въ положеніе этого вопроса).

²⁾ Подолія, Спб., 1891 (историческій очеркъ составленъ *Н. И. Петровымъ*), стр. 19—20 (Допущена неточность: „самый Болоховъ, отъ котораго земля могла получить свое названіе, находится въ Галиціи, а слѣдовательно былъ во владѣніяхъ галицкаго князя“). — *Dr. Antoni J. (Rolle)*, *Sylwetki historyczne, sergu VIII, Krak.*, 1892, *Bakota jako stolica Ponizia*, str. 275—276. Авторъ заявляетъ: „lat długich kilkanaście stracił bezowocnie na rozjaśnieniu tej kwestyi, dotyczącej ksiąząt Bolchowskich“ ... „początku tego księstwa, granic jego, doszukać się dziejopisarze nie mogą; dość, że na średnim rozsiadło się robózu“. Столицею Болохова Ролле считаетъ „Diakow“ (Литинскаго у., сущ. уже 1442 г.?), не соглашаясь, повидимому, съ моимъ указаніемъ („Болохов. з.“, стр. 16) на Дьяковцы Литинскаго у. Въ виду того, что на помощь Давиду при взятіи Дядькова являлся „печатникъ Курилъ“ (Ип. л., 525), отъѣху Дятковцы Коломыйскаго повѣта. Ср. выше о Дядьковѣ.

³⁾ Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли, стр. 44—46. („Въ районѣ верхней Случи и верхней Буга съ наибольшою вѣроятностью помѣщается Болохово XII в., лежавшее по пути изъ Галича въ Кіевъ, и Болоховскіе города, упоминаемые въ XIII в.“). Замѣчанія г. Грушевскаго обстоятельнѣе, чѣмъ во всѣхъ трудахъ, перечисленныхъ въ предыдущихъ примѣчаніяхъ. Ему же (подъ псевдонимомъ М. Сергіенка) принадлежитъ статья: „Громадський рух на Вкраїні-Руси

На основаніи всего изложеннаго думаю, что вопросъ о мѣстности древняго Болохова значительно подвинулся къ своему рѣшенію, но требуетъ еще нѣкоторыхъ разысканій въ частностяхъ, именно касательно южныхъ и юго-восточныхъ границъ и части городовъ Болоховской земли¹⁾. Сдѣланныя въ послѣднее время находки увѣриваютъ въ надеждѣ на открытіе новыхъ данныхъ, которыя, быть можетъ, помогутъ окончательно разрѣшить интересную историческую загадку, представляемую древнимъ Болоховымъ.

в XIII вѣцѣ“ въ „Запискахъ товариства имени Шевченка“, част. I, Льв., 1892: о мѣстности древняго Болохова здѣсь говорится на стр. 15.

¹⁾ О западныхъ см. выше. Слѣдуетъ прибавить, что гор. Стожежъ и Даниловъ, основанный Даниломъ Галицкимъ и находившійся, вѣроятно, по близости къ западной окраинѣ Болоховской земли (ср. „Болох. з.“, примѣч 41: Ивановъ, Истор. судьбы Вол. з., 102; Андрияшевъ, 70), существовали и въ XIV в. (см. Довнаръ-Запольскій, Изъ исторіи литовско-польской борьбы за Волынь (Договоры 1366 г.), К., 1896, стр. 7—8). Часть сѣверныхъ границъ также опредѣляется довольно точно: см. Андрияшевъ, стр. 189 („граница здѣсь пролегла, приблизительно, по водораздѣлу между Хоморомъ и Деревичкой“).—Нѣкоторые ученые продолжаютъ настаивать на томъ, что мѣстоположеніе Болоховской земли доселѣ не установлено. Такъ, И. А. Линниченко, Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV в., М. 1894, стр. 97, прим. 2, говоритъ: „Какъ извѣстно, до сихъ поръ не удалось точно констатировать мѣстоположеніе Болоховскихъ городовъ“. Далѣе, на стр. 170—171, проф. Линниченко говоритъ: „Однако, нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ названій Болоховскихъ городовъ въ лѣтописи встрѣчаются въ Львовской землѣ“, и приводитъ давно уже указанные мною населенные пункты, иногда даже врядъ ли идущіе къ дѣлу, какъ, напр., *Dałowiszce* или *Boleschow* (быть можетъ, отъ имени *Boleхъ*, *Boлько*=*Boлеславъ*). Въ отвѣтъ г. Молчановскому я уже указывалъ, что можно бы во многихъ мѣстахъ Юго-Западной Руси, Польши, даже Чехіи и Моравіи найти немало именъ населенныхъ мѣстностей, соввучныхъ съ номенклатурою Болоховскихъ городовъ, но къ чему это приводитъ? О Губинахъ въ Польшѣ и др. см., напр., *Slownik geograficzny*, II, 901—902; III, 187; *Mon. Pol.*, III, 21. См. однако М. С. Грушевскаго: „До Болоховщин: Губинське городище“—*Зап. наук. товар. имени Шевченка*, X, (*Miscellanea*), 2—3. О Болоховѣ во Владимирскомъ повѣтѣ см. прилож. № III. Равнымъ образомъ и проф. Лесятовичъ, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1894, № 3, стр. 23, считаетъ все еще неизвѣстнымъ мѣсто и происхожденіе Болоховскихъ княжествъ и думаетъ, что они находились на юго-западѣ Волыни, а не на болѣе или менѣе обширной территоріи, какою мы предполагаемъ для нихъ. Но можно спросить почтеннаго изслѣдователя, въ какомъ же иномъ мѣстѣ, помимо указаннаго мною, можно найти такое скопленіе поселеній съ именами, напоминающими древніе Болоховскіе города, и совпаденіе другихъ данныхъ? Скептицизмъ, имѣющій исходнымъ пунктомъ полемическія страницы г. Молчановскаго, врядъ ли имѣетъ *raison d'être*, разъ ничего не указано противъ нашихъ возраженій г. Молчановскому.

Во всякомъ случаѣ изъ приведенныхъ фактовъ видно, что въ XVI стол., какъ и въ XII—XIII и XV вв., названіе Болехова носила цѣлая мѣстность, отличавшаяся, повидимому, значительнымъ протяженіемъ. Слѣдовательно, Болеховцы, о которыхъ говорятъ документы XVI и XVII вв., могли именоваться по той мѣстности, въ которой жили сами, либо изъ которой вышли ихъ предки.

Этотъ послѣдній выводъ пригодится мнѣ въ будущемъ, когда я возвращусь къ вопросу о происхожденіи южно-русскаго ковачества, который я связывалъ съ исторіей Болеховцевъ.

Предварительно разсмотрю новѣйшія мнѣнія о происхожденіи послѣднихъ и объ ихъ князьяхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I.

Привили войту Белозорскому волости Кременецкое Яну Хотимовскому и жене его на два селища у волости Кременецкой в певныхъ границахъ, и за стави также в селищомъ при месте Кременецкомъ, на поселенье.

Жигимонтъ Августъ божью милостью король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, жомойтскій, мазовецкій и иныхъ etc.

Билъ намъ чоломъ войтъ Белозорскій волости Кременецкое Янъ Хотимовскій о томъ, штожь дей. королевая ее милости навышпшшая великая кнегини Бона пани матка наша, в ласки своее за службы его дати ему рачила у волости Кременецкой за ревою Горынею селища пустое на Болехове отъ границы Новоставецкое на имя Колесъцы и ставокъ подъ селомъ Вороновцами на старій гребли, а другій на реце Жерди, а третій на реце Бугъловце засыпати и дубровы Кропильное уживати по обеюмъ сторонамъ реки Жерти долиною ажъ уверхъ до дуба черезъ гору и черезъ полянку ажъ до долины, которая идетъ отъ Тихомля до Зборное могилы, дубровою вышедши на поле тоюжь дорогою до стежки, которая идетъ поперокъ дороги, до Лазучина овна долиною, которая идетъ черезъ поле до дубровы. А черезъ дуброву до Свиное Руды, а отъ Свиное Руды до Случи, а горе Случью ажъ до Острое на гору, отъ Острое черезъ дуброву на поле до могилъ, а отъ могилъ до Шибеное Руды

Къ тому тежъ другое селищю в повете Кремянецкомъ за Горинею на Бологове (sic) на шляху Татарскомъ отъ границы Ланевецкое по обую сторону реви Белозорки дворъ ему поселити и людей вдоль и поперокъ на поселки (?) на земли наше осаживати. А подъ замкомъ Кремянецкимъ подле дворца нашего для прибежишгча пляцъ дому ему поселити королевая ея милость дати и доволити рачила, на штожъ ему и листь свой подъ печатью и с подписомъ руки свое дала, который онъ передъ нами покладаль,—билъ намъ чоломъ, абыхмо при той данине ея королевое милости его зоставили и нашъ листь на то ему дали, о чомъ жо и воевода виленский маршалокъ земский, канцлеръ великого князства Литовского староста берестейский державца борысовский и шавлевский панъ Миколай Радивиль насъ за листь у причине жедалъ. А такъ мы того листу королевое ея милости огледавши и з ласки наше на причину пана воеводы виленскаго и на его чоломъбитье то вчинили и при той данине ея королевское милости его зоставили и симъ листомъ нашимъ зоставуемъ. Маеть онъ самъ, его жона во всякими пожитъви тыхъ обудвухъ селищъ и ставовъ вышей писаныхъ и пляцу къ селенью двора вышей помененого при месте Кремянецкомъ со всимъ с тымъ явья то въ себе маеть водлугъ листу королевое ея милости держати и явъ налпей къ пожитку своему разумеючи уживати, а стого службу земскую военную кобно збройно посполу з ынъшою шляхтою бояри кремянецкими намъ господару служити и заступовати повиненъ будетъ. И на то ѣсмо дали ему сесь нашъ листь, до которого и печать нашу привесити казали. Писанъ у Вилни (?), лета божего нароженья тисеча пять сотъ петьдесятъ семого, мца февраля двадцать пятого дня. Подпись руки господарское. Остафей, маршалокъ писарь.

№ II.

Жалоба обз уводъ крестьянъ изъ с. Осмиговичей въ с. Ворончинъ и проч.

Лѣта Божого нароженья 1569, месяца марта 1 дня.

Приходчи на врьд его королевское милости в замокъ Луцкий перед мене, Петра Хомека, подстаростого Луцкого, служебник вельможное панее ея милости панее Михайловое Козинское, кашталяново Луцкое панее Мари Юревыни княжны Голшанского, пан Грицьо Романович Белостоцкий жаловал именемъ ея милости панее свое на

князя Юря Федоровича Вороницкого, оповедаючи тымъ обычаемъ: иж дей тыхъ часовъ в небытности ее милости панее Михайлово Козинское тут, на Волыни, року теперешнего шестдесят девятого, месяца феврала двадцат смого дня, з недели на понедельник, в ночи князь Юрей Вороницкий наславши мощно, вгвалтомъ врядника своего Вороницкого, на имя Дешъеа Купчича, з бояры, з слугами и всеми поддаными своими Вороницкими, то ест меновите Кгалинского Андрея Шостака Грицка Рожковича Лаврина Жака Ивана Москвитина Самъсона войта Васка Ярмолу Рожковича Левка Гавриловича Ивашка Пестенчича Юнца Котовича з сынами Ивана Черевича Гарасима Нестюка Мисковича Мойсея Уса Стася Моисея Шишку а Волоса войта Голодыну и з ыншими помочниками их вторых дей было ездныхъ и пешихъ о двести чловека з ручницами, з аркабузами, з сагайдаки, з мечы, з рогатинами и з ыншимъ ровнымъ оружьемъ а подвод околко десять возъ на имене ее милости Осмиговичы на дворъ врядника ее милости Осмиговского Ивана Палеху который дей был от колконадцати лѣтъ в Осмиговичох врядникомъ его самого з жоною, з детми, с челядю, с конми, з быдломъ и зо въсею маетностью его а к тому при немъ брата его родного на имя Грицка Пинчука который дей с тымъ врядникомъ а братомъ своим у в одномъ дворе поспол мешваль который дей на тот час от ее милости панее моее в д(в)оре Осмигов ключникомъ был и вси речи ее милости от на рукахъ своихъ за ключами мел и ховаль на тотъ же час того и стого ключника Грицка Пинчука з жоною з детми и зо въсею маетностью его забрали и с тымъ же дей ключникомъ взяли готовыхъ пенезей ее милости панее моее панее Капштеляное двесте и двадцат копь грошей личбы Литовъское при томъ панцыровъ тридцат шишаков пятнадцат прибиць десет чотыри колоды меду присного и инших речей дворныхъ статковъ домовыхъ не мало побрали чого реистръ меновите написаный в себе быти менит и мало дей на томъ маючы еще на тот же час корчмыта Осмиговского на имя Микиту который дей корчму на целый рокъ за тридцат копь грошей Литовских держаль того незаплатил и жадное личбы нечинилъ его самого з жоною, з детми, зо въсею маетностью и с котломъ дворнымъ пивнымъ узали и к тому дей винника ее милости панее дворного на имя Кузму з двема котлы с трубами и с пенезми горелчными вгвалтовъне ночнымъ обычаемъ побравъши до именя Ворончина а оттол на *Болоховъ под Збараж* до именей своих та-

мошнихъ отправадити казалъ што дей заразомъ тогожь часу тое кгвалтовное наслане побранье людей вышей помененыхъ и шкоды поделаные людемъ добрымъ околичнымъ суседомъ ест оповедано и осветчано для чогожь на обвоженье и на огледанье такового кгвалту и тежь хотячи о томъ до князя Юря Вороницъкого ехати панъ Грицко Белостоцъкий служебникъ ее милости панее Михайловое Козинское Каштэляновое Луцкое бралъ у мене з уряду замъку господарьского Луцкого возного повѣтового Ивана Тихновича Путопинского который тамъ бывши оттоля приехалъ и ставъшы передо мѣною до книгъ вродскихъ тыми словы созналъ: иж тыхъ часовъ яво у четвергъ прошлый месяца марта третего дня маючи я при себе шляхту людей добрыхъ пана Василя Ленковича Гулялицкого а пана Мойсея Мурича Вечерича былъ есми во имену ее милости панее Михайловое Козинское каштэляновое Луцкое Осмиговичох а таьъ за обвоженемъ служебникъ ее милости панее каштэляновое Луцкое пана Грицка Белостоцкого видел есми в дому в того помененого вранника Осмиговъского Ивана Палешиномъ двери сенные избные и корчомные побиты порубаны и поцепаны и зацепки приборе побити и поломаны а иншие повыврваны тот домъ въвсе спустошно и жадныхъ речей в немъ есмо не знашли и поведил мне панъ Грицко Белостоцкый и люди тамошние Осмиговские и подданные того Ивана Палешны на имя Ювко Онопрей а Данило иж дей то вранникъ слуги и бояре и подданные князя Юря Вороницкого наехавши мощно кгвалтомъ ночнымъ обычаемъ на имене ее милости панее Михайловое Козинское тот домъ спустошили и з него вранника паней Осмиговского Ивана Палеху брата его ключника дворного Грицка Пянчука и при нихъ корчмита Микиту Иваника дворного Кузму з жонами з детьми своими, з быдломъ и зо въсею маетностью побра(в)ши до Ворончина отправадили. Я тогда пыталъ ихъ, для чого они, кгдаж ся то поблизу домовъ ихъ стало, до двора панее Козинское и на села знати не дали або ратунку не прохали и невричали. Они мне отказали таьимъ обычаемъ: трудно дей пани возный намъ было до двора або на село дават знати а но дей у в окон и въ дверей слуги и подданные князя его милости Юря Вороницкого з рудницами з луки и з рогатинами стояли говорячи такими словы одно: хлопе рупиш писнеш то дей тепер же колка стрела або рогатина в боку твоємъ будет што дей мы от нихъ слышачы и таковую гровгост над собою видечы не толко ся рушити або крикнути аде и писнути не смели а

жены дей и дѣти наши з великого перестраха теперечи не могут и на смертной постели лежат; для того дей великого перестраха нелзя намъ было до двора або на село давати знати што все служебникъ ее милости панее кашътальяное панъ Гриццо Белостоцкый мною возънымъ и шляхтою людьми добрыми вышей поменеными осветчил а потомъ заразомъ ехал зо мъною тымъ шляххомъ з Осмигович аж до села князя Юря Вороницкаго Ворончина куды тыхъ людей Осмиговецких провожоно и приехавъши намъ до двора его милости князя Юря Вороницкаго тамъ панъ Гриццо Белостоцкый служебникъ ее милости панее кашътальяное Луцкое при мне возъномъ и при шляхте жаловаль князю Юрю Вороницкому именовемъ ее милости панее своее на вридика, бояр, слугъ и подданныхъ его милости Вороницких верху помененых ижъ дей они за расказаньемъ твоей милости, княже Вороницкый, наехавши моцно кгвалтомъ ночнымъ обычаемъ на имене ее милости панее моее Осмиговичы, в небытности ее милости самое тутъ на Волюю, вридика ее милости Осмиговского на имя Ивана Палеху и брата его родного влючника дворного Грицъка Панчува при нихъ ворчмита Мивиту и винника дворного Кузму з жонами з детми с конми з быдломъ и во въсею маетностью их и тежъ дворною побравши до именя твоего упровадили, и просил именовемъ ее милости панее своее панее кашътальяное Луцкое князя Юря Вороницкаго, абы его милост на вридика, слуг, бояр и подданных своих, Ворончинскихъ о то водлугъ жалобы его рокъ праву зложил и справедливост слушную вчинил. Тогда его милость князь Юрей Вороницкый не покладаючи о то паней кашътальяновой жадного року на право для чиненья справедливости на то пану Гриццу Белостоцкому такъ отказаль: я дей теперешнихъ часов тут з ыменей своихъ Збаражских до Ворончина приехалъ але и то еси абы то вридикъ, слуги и подданные мои паней Козинской чинити мели ничего неведаю и так дей то знаю ижъ то есть потваръ змышленая про то дей я на вридика слугъ и подданныхъ своих помененых што паней кашътальяновой року на право складати не хочу и справедливости чинити не буду. Гдешъ служебникъ ее милости панее Михайловое Козинской панъ Гриццо Белостоцкый слышачи таковый отказъ князя Юрѣя Вороницкаго приручил ему того вридика Демба Купчича теж бояр, слугъ и подданныхъ его Ворончинскихъ верху помененыхъ в тысячи вопохъ грошей на господара короля его милость и и во всехъ шкѣдахъ ее милости панее своее кашътальяное

Луцкое абы ихъ з ѡменя своего нигде не спускал и часу потреби
 бу праву их становил и стороною вознымъ и шляхтою людьми доб-
 рими осветчил а потом тамже заразомъ служебникъ ее милости панее
 Михайловое Козинское панъ Грицко Бѣлостоцкый жаловалъ именем
 ее милости панее своее князю Юрю Вороницкому на подданныхъ его
 тоест на Ивана Сцотчича иж дей онъ з братомъ своимъ Яскомъ а
 с Трохимомъ Мелковичемъ з Ываномъ Пестунчичомъ а с Полуяномъ
 Руженцомъ року прошлого шестдесят осмого месяца октября тридцат
 первого дня выкрали злодейскимъ обычаемъ четвери бчолы ее мило-
 сти паней Козиньское дворныхъ а тыежъ дей подданные вышей
 помененные в томже року прошломъ шестдесятъ осмом и тогож ме-
 сяца октября осмого дни в ноцы Терешковыхъ четверы бчолы Матфе-
 евы Жуковы одны бчолы злодейскимъ обычаемъ выкрали а перво дей
 того в томже року прошломъ шестдесят осмом месяца августа шос-
 того дня в ноцы тот же Иван Сцотчич з братомъ своимъ Яскомъ
 и з ышними вышей помененными помочниками а товариши своими
 так теж злодейскимъ обычаемъ выкрали подданныхъ ее милости панее
 Козинское пятеро бчол тоест Ѡнацкови двое Терешковыхъ двое и
 Жуковы Ѡрельхвирович (?) одны и тыеж дей вышей помененные подда-
 ные твои, княже Юрей Вороницкый, в том жо року прошлом шест-
 десят осмомъ месяца декабъра шостого дня такъ же ночнымъ а
 злодѣйскимъ обычаемъ выкрали з бортей сосновыхъ шестеры бчолы
 Терешъковыхъ а потомъ дей тыхъ часовъ недавно минулыхъ року те-
 перешънего шестдесят девятого месяца феврала третего дня в ноцы
 тыеж подданные твои, княже Вороницкый, вышей помененные такъ теж
 злодейскимъ обычаемъ выкрали четверы пчолы дворныхъ а двои бчолы
 Терешъковы, и просилъ князя Юря Вороницкого абы о вси тые шкѡды
 ее милости паней Михайловои Козинской и подданнымъ ее милости
 на тыхъ помененныхъ подданныхъ своихъ рокъ праву зложилъ и справед-
 ливостъ слушъную вчинилъ. Тогда князь Юрей Вороницкый на то пану
 Грицку Белостоцкому такъ отказалъ: коли дей ее милость пани кашъ-
 талиановая пани жеса тут на Волини будетъ тогда дей я ее милости
 на тыхъ подданныхъ своихъ о покрадене бчол яко ты жалуешъ ровъ
 праву зложу и справедливостъ слушъную чинити буду. што служеб-
 никъ ее милости панее Михайловое Козинское панъ Грицко Бѣлостоцъ-
 кый мною вознымъ врядовымъ и шляхтою осветчивши припоручилъ кня-
 зю Юрю Вороницкому тыхъ подданныхъ его вышей помененныхъ на
 господара короля его милости в тисечи копахъ грошей и в шкѡдахъ

паней своее и подданных ее милости при томъ теж жаловаль князю Юрю Вороницкому именовемъ ее милости панее своее панее Михайловое Козинское тымъ обычаемъ: иж дей року прошлого шестдесят осмого месяца сентебра осмого дня подданный ее милости панее кашталановое на имя Костюк Бондар а Нацей и Левко *заседевши волю* болшей десяти лет з ыменя ее милости Осмиговицеого зашкодившы паней и подданнымъ ее милости не мало до именя твоего, княже Вороницкий, втевли а потомъ дей року теперешняго шестдесят девятого властные отчичи ее милости панее кашталановое Осмиговские на имя Конон Петраш а воитько Коваль з жонами, з детми, с конми, з быдломъ и зо всею маестностю своею зобравшыся до именя твоего, княже Вороницкий, втевли а по них дей подданныи ее милости панее моее Ловишский на имя Кузма такъ тежъ *заседевши волю десет лѣт* которого дей было припоруочно о двоє коней зобравшыся з жоною зъ детми и зо въсею маестностю своею до именя твоего вышелъ и просил князя Юря Вороницкого именовемъ ее милости панее своее кашталановое Луцкое абы тых подданныхъ вышей помененныхъ яко властных збеговъ ее милости повывадал або на нихъ рокъ праву зложил и справедливост слушъную чинил. тогда его милость князь Юрей Вороницкий на то ему так отвазаль: што дей ты мнѣ пане Белостоцкий жалуеш о зъбегу ее милости панее Михайловое Козинское и просиш абымъ их паней твоей повывадал або на них справедливост чинил ино дей такъ ведай же тые збеш панее Козинское которых ты поменил мешъбают во именью сына моего до которых дей я ничего немаю а ни о томъ ведати хочу. што все служебъникъ ее милости панее Михайловое Козинское кашталановое Луцкое панъ Грицко Белостоцкий мною возным и шляхтою людми добрыми вышей поменеными осветчивъши от князя Юря Вороницеого поехал и просил а бы то было записано а так я тую жалобу оповедане и возного очевистое сознание въ книги вгородские записати казалъ.

Кн. К. Ц. Арх. (Луцкая) № 2043, л. 107—110, № 108.

№ III.

Потвержене Еску Сенютичу на две дворицы Болохово а Станково у Володимерскомъ повете.

Самъ Александръ бою милостью.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотришь, або чтучи его услышитъ, кому будетъ потребъ того ведати. Билъ намъ чоломъ городничий володимерский Еско Сенютичъ и поведилъ передъ нами, штожь дали есмо ему две дворицы з людми у Володимерскомъ повете у селе Хмелевѣ на имя Болохово а Станково со всимъ с тымъ, што здавна к тымъ дворицамъ слушало. И билъ намъ чоломъ, абыхмо ему тыи дворицы подтвердили нашимъ листомъ на вечность. Ино мы з ласки нашею на его чоломъбитье то есмо вчинили и тые две дворицы у селе у Хмелеве Болохово а Станково подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ вечно и непорушно ему самому и его жоне и ихъ детемъ и его ближнимъ и напотомъ будущимъ исъ счадкомъ з людми изъ землями пашными и бортными и с сеножатями, изъ гаи, и с хворосты, изъ болоты, изъ реками, изъ речками, и съ криницами, исъ ставы, изъ ставищи, изъ млыны, изъ ихъ вымелки, и со всеми платы и доходы и податми, ничего на насъ не оставляючи, и со всимъ потому какъ здавна тыи дворица в границахъ ся своихъ мели, и што к тому слушало: воленъ онъ тыи две дворица отдати, и продати, и заменити, и къ церкви записати и разширити, и прибавити и ку своему вжиточному и лепшому (пожитку?) обернути, какъ самъ налепей розумеючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу. Писанъ у Вилни, в лето 7011, мца фев. 22 день. Индикт. 6.—При т. был. под. наш. вел. княз. Вас. Лови. Глинскій.

Кн. Записей Литовскихъ, VI, л. 220.

II.

Вопросъ о происхожденіи Болоховцевъ.

Приведши новыя данныя для опредѣленія мѣстности древняго Болохова, займемся теперь вопросомъ о самихъ Болоховцахъ и объ ихъ князьяхъ.

Этотъ вопросъ доселѣ остается еще болѣе неяснымъ и спорнымъ, чѣмъ предыдущій.

Ученые, касавшіеся его въ послѣднее время, не открыли никакихъ новыхъ фактовъ для его рѣшенія. Они оказались, большею частью, только поборниками прежде выставленныхъ теорій, разсмотрѣнныхъ и отвергнутыхъ мною въ предыдущихъ моихъ трудахъ. Именно настойчиво повторяются толки, съ одной стороны, о румынскомъ происхожденіи Болоховскихъ князей, а съ другой—о принадлежности послѣднихъ къ Сѣверской вѣтви Рюриковичей.

Теорія о румынскомъ происхожденіи Болоховцевъ, созданная ветераномъ русской исторической науки въ Галичинѣ, почтеннымъ о. А. С. Петрушевичемъ¹⁾, была отстаиваема имъ въ противовѣсъ моему возраженію и неоднократно повторяема²⁾.

Къ мнѣнію А. С. Петрушевича присоединился проф. И. А. Линниченко³⁾, и, конечно, тотъ же взглядъ раздѣляютъ и нѣкоторые ру-

¹⁾ О. Петрушевичъ какъ бы намѣчалъ эту теорію уже въ „Зорѣ Буковинской“ 1870, № 12.

²⁾ Такъ, она была повторена въ краткой замѣткѣ въ „Przegląd archeologiczny“, zes. I, Lw. 1882, 82—83. Вскользь доводъ противъ моего опроверженія былъ изложенъ А. С. Петрушевичемъ въ „Вѣстникъ народнаго дома“ 1884, ч. 25 (1-го ноября). См. еще тотъ же „Вѣстникъ“ 1886, ч. 46; 1887, ч. 53; 1889, ч. 65 и 67 и „Днягвѣстнично-историческія разсужденія А. С. Петрушевича“, Льв., 1887, 50—51. Затѣмъ тезисъ о Волошской колонизаціи на Подгорьѣ и о томъ, что Болоховскіе князья—Волохи, былъ повторенъ въ „Критико-историческихъ разсужденіяхъ о Галичѣ“ 1888 и позднѣе въ „Вѣстн. нар. дома“ 1893, № 131, при чемъ было высказано мнѣніе, что уже Хорваты и Дульбы состояли изъ смѣси Словенскихъ и Румынскихъ племенъ; Румыны пришли въ южно-русскія области ранѣе XIII вѣка; см., далѣе, тотъ же „Вѣстникъ“ 1893, № 132.

³⁾ Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV в., М., 1894, стр. 74, 170. — Ранѣе И. А. Линниченко читалъ рефератъ о Болоховцахъ на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ.

мынскіе ученые ¹⁾, ознакомившіеся съ нимъ изъ статьи г. Калужницкаго при монографіи Миклошича „Ueber die Wanderungen der Rumunen“.

Новыхъ доказательствъ ученые этой школы не представили, но, такъ какъ эта теорія начинается, повидимому, достигать все болѣе и болѣе распространенія въ Галичинѣ и въ Румыніи, то я позволю себѣ вкратцѣ изложить основанія, по которымъ она кажется мнѣ не выдерживающею критики; при этомъ я введу въ изложеніе вновь собранные мною факты.

Съ перваго взгляда въ пользу гипотезы о Румынскомъ происхожденіи Болоховцевъ какъ будто говоритъ близость намѣченной мною юго-западной окраины Болоховской земли къ территоріи румынской колонизаціи въ XIII—XIV вв.: отъ Збаража не такъ далеко до верховьевъ р. Серета и вообще до области, гдѣ водворились Румыны и гдѣ встрѣчаются мѣстныя названія того же корня, что и Болохово ²⁾.

¹⁾ Напр., *Xénopol, Histoire des Roumains de la Dacie Trajane, Par., 1896, p. 171. Densusianu, Istoria, Iasi 1894, 40.*

²⁾ Болоховъ и Болоховка недалеко отъ Калюша. См. *Slownik geograficzny I, 303* (ср. у И. А. Линниченка „Черты“ и проч., стр. 171). Этотъ фактъ, при сопоставленіи съ указаннымъ выше „полемъ Болоховымъ“ и съ „Болоховцами“ XVI в., находившимся на Румынской территоріи, не лишенъ значенія, быть можетъ, какъ указаніе на то, что до этого пункта могли доходить поселенія Болоховцевъ послѣ Даніила. Врядъ ли здѣсь, на безпокойной Галицкой окраинѣ, были поселены плѣнник и, которыхъ, по свидѣтельству летописи, увелъ Даніилъ изъ Болоховской земли. Далѣе, какъ выше было сказано, я не могу утверждать, что Болоховскіе города Божскій и Дядьковъ не находились недалеко отъ тѣхъ мѣстъ. Указываемые мною Божиковцы Летичевского уѣзда существовали, повидимому, съ отдаленнаго времени: въ документѣ 1537 г. упомянуты „Вижуковсе“ на Подольѣ (см. Ms. 3268 Инст. Оссолинскихъ во Львовѣ, t. I, стр. 451). Въ томъ же манускриптѣ (t. II, стр. 437; ср. у Молчановскаго, стр. 131), въ документѣ 1546 г. значится „*Boska Dubrowa*“ на границѣ земель Збаражскаго замка. Отмѣчу еще для полноты Божиковъ (около него приселокъ Волоцизна) въ повѣтъ Подгаецкомъ надъ Золотой Липой (*Slown. geogr. I, 345*, см. еще поправки въ концѣ II-го t.) и Божовку въ Брацлавскомъ у. (Ms. 497 Института Оссолинскихъ, л. 32 об.). Но, повторяю, всего этого еще недостаточно для доведенія границъ древняго Болохова до Днѣстра у Калюша, какъ равно я не могу согласиться съ такими произвольными приуроченіями, какъ тѣ, которыя читаю въ „Трудахъ Комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи“, вып. IV, Каменецъ-Под., 1889, стр. 7: „Болоховское княжество съ городами: Деревичъ (Деребчинъ Ямпольскаго уѣзда?), Губино (Купинъ Кам. уѣзда?), Кудинъ (Кудинка Летичевскаго уѣзда)“. О нѣкоторыхъ изъ интересующихъ насъ здѣсь Галицкихъ поселеній достовѣрно извѣстно, что они основаны въ позднѣйшее время, какъ, напр., *Bolechów wołoski* (около 1450 года; см. выше); ср. *Miklosich, Ueb. die Wanderungen, S. 44 — 45; см. тамъ же, 48.*

Далѣе, уже какъ бы априорно можно присоединяться къ гипотезѣ о румынскомъ происхожденіи Болоховскихъ князей, принимая во вниманіе пресловутыя странствованія Румынъ¹⁾, напоминающія странствованія кельтовъ, происходившія за много вѣковъ передъ тѣмъ. Если Румыны на западъ доходили до Ольмюца, то почему, будучи бродячимъ народомъ, не могли двигаться далеко и въ Русь?

Но все это были бы аргументы общіе, примѣнимость которыхъ къ частному случаю Болоховцевъ второй и третьей четверти XIII в. надо еще доказать.

Наиболѣе вѣскимъ доказательствомъ было бы тождество со словомъ волохъ (румынъ) имени либо названія Болохъ, отъ котораго несомнѣнно произошло древне-русское мѣстное названіе Болох-ов-ъ, Болох-ов-о.

Производство названія Болохова отъ слова Болохъ=влахъ²⁾ можетъ сначала показаться довольно вѣроятнымъ, въ особенности въ виду того, что нѣкоторые поселенія съ названіемъ Болохово и т. п. въ Галичинѣ и Моравіи принадлежали волохамъ³⁾, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, такая этимологія должна быть признана обманчивой. Русская форма племенного названія для обозначенія Румынъ, какъ то можно видѣть уже со времени Нестора—волохъ (отъ влахъ⁴⁾). Правда, по

¹⁾ Румыны проникали, повидимому, и за Днѣпръ. даже въ Стародубскій уѣздъ. „Сотники волосіе“ держались долго. „Кіевская Старина“ 1884, № 10: дневникъ Ханенка, стр. 104. См. еще „К. Ст.“ 1899, № 1, стр. 102—103.

²⁾ Повидимому, и самъ А. С. Петрушевичъ вслѣдъ за г. Калужняцкимъ сталъ склоняться къ такому производству съ 80-хъ годовъ и выводитъ названіе Болоховцевъ отъ Блахъ, Болохъ. См. *Przegląd archeologiczny, Zesz. I, Lwów, 1882. str. 82.* Возражая на мой разборъ. А. С. Петрушевичъ писалъ въ 1884 г. („Вѣстникъ народнаго дома“, ч. 25): „Надѣюсь, что сей изслѣдователь уже изъ самого имени *Болоховицого* (Блаховъ, Влаховъ), записавшагося въ названіи нашего румынскаго городка *Болехова*, селенія *Болохова* въ Жыдачевской землѣ увѣрится...“ и т. д.

³⁾ См. въ моей статьѣ „Новѣйшіе домыслы“ и проч., стр. 7—8 отд. оттиска, прим. 2 и 1.

⁴⁾ Перечень болѣе старыхъ объясненій слова Влахъ см. у А. С. Петрушевича: „Радовецко-Черновецкая епископія“, Буковинская зоря 1876, № 12.—По мнѣнію D'Arbois de Jubainville'я, названіе Волковъ, Volcae, первоначально принадлежавшее одному небольшому племени на сѣверѣ Дуная, выславшему впоследствии колонію въ южную Францію, получило у другихъ сосѣдей кельтскаго племени общее значеніе, какъ названіе цѣлой расы: Volca соотвѣтствуетъ нѣмецкому Valah и славянскому Влахъ“ (см. въ статьѣ В. Г. Васильевскаго—Журн. Мин. Народн. Просв. 1882, № 9, стр. 124). Позднѣйшая формулировка мнѣнія D'Arbois de Jubainville—въ его Introduction à l'étude de la litt. celtique, 1883, p. 11—12.—Со словомъ

словамъ А. С. Петрушевича, Бойки, западные сосѣди Гуцуловъ въ Карпатскихъ горахъ, „называютъ своихъ закарпатскихъ русскихъ собратьевъ, одеждою и языкомъ немного орумынщенныхъ, *Блахами* (Болохами или Волохами)“. Однако, къ сожалѣнiю, за отсутствiемъ надлежащей ссылки въ подкрѣпленiе этого утверждениа, мы лишены возможности провѣрить послѣднее. Намъ извѣстно лишь, что западные историки и путешественники, писавшiе по-французски, либо по-латыни, напр., Рубрукъ въ 1254 г., произносили названiе влахи съ начальнымъ звукомъ *б* вмѣсто *в*¹⁾; такъ писали это имя иногда и въ латинскихъ документахъ; могли такъ произносить и византийцы слово *Βλαχοι*, но такъ ли выговаривали, мы точно не знаемъ. Если бы сербы и болгары выговаривали блахъ, то поляки говорили бы блохъ, и въ русскомъ языкѣ могло бы получиться болохъ. Но этого, а равно и того, что сами Румыны именovali себя блахами, мы не знаемъ²⁾. Въ мадьярскихъ документахъ на латинскомъ языкѣ для обозначенiя волоха употребляется слово *Olahus*³⁾. Не видно, чтобы Румыны назывались болохами и въ Моравiи, гдѣ были ихъ селища, да не выказываютъ знакомства съ такою формою и нѣмцы въ обозначенiяхъ *Flächen* (XIII в.), *Walachen*, очевидно заимствованныхъ⁴⁾ и передѣланныхъ изъ славянскихъ формъ

„Влахъ“ сближаютъ ahd. *Walah*. См. въ ст. *Hirt'a*: Beitr. z. Gesch. d. deutsch. Sprache und Literatur, XXIII, 2 u. 3 Heft (1898), S. 337. Копитаръ, наоборотъ, считалъ слово Влахъ образовавшимся изъ германскаго *Walch*: *И. В. Дичъ*, Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ, Спб., 1885, стр. 128.

¹⁾ *Th. Gartner*, Über den Volksnamen der Rumänen, Sonderabdruck aus den „Bukowiner Nachrichten“, Czernowitz, 1893, S. 40. Отмѣтимъ замѣчанiе, что „überhaupt öfters im 13 und 14 Jahrhundert wurde *Blachi*, *Blaci* geschrieben, was dem griechischen *Wlachi* nicht lautlich, aber insofern buchstablich entspricht, als die griechischen Buchstaben nach dem altgriechischen Werte genommen sind... Doch alle Nebenformen sind im Vergleiche mit *Valachi* sehr selten“.

²⁾ Напротивъ, извѣстно, что Румыны никогда не любили называть себя ни Волохами или Влахами, ни Блахами, а постоянно называли себя Румынами: *Gartner*, 13 fgde.

³⁾ Въ грамотѣ Бела IV (1247 г.) упоминается terra *Szeneslai voivodae Olahorum*. Это—латинская форма мадьярской формы *Oláh*, образовавшейся изъ древнеславянской *Влахъ*.

⁴⁾ *Gartner*, 5 u. 41, признаетъ mhd. форму *Flächen* образовавшейся изъ греко-славянской народной формы „durch lautliche Verdeutschung“. Точно также „die nhd. Schriftsprache hat ihren alten, auch heute noch nicht unverständlichen und in Ungarn volkstümlichen Volksnamen *Walachen* vielleicht aus dem Gelehrten = und Juristenlatein (*Valachi*), vielleicht unmittelbar aus einer durch Einschlebung eines zweiten Vocales erleichterten (ruthenischen oder almagyarischen) Form des altslavi-

„Влахи, волохи“. Вѣроятно, эти же формы надо принимать во внимание для объясненія извѣстія Рубруквиса, что, по разсказу миноритовъ, Власі называются такъ въ „lingua Rutenorum et Polonorum et Bohemorum“. По крайней мѣрѣ, и въ Галичинѣ, какъ и въ остальной Руси, постоянно говорится *волохъ*¹⁾, и села, основанныя румынами, носятъ названіе отъ этой формы имени, а не отъ формы *болохъ*²⁾, и во всякомъ случаѣ въ Галичинѣ параллельно существуютъ мѣстные названія, производныя и отъ *болохъ*, *болахъ*, и отъ *волохъ*; иныя мѣстные имена совмѣщали оба названія³⁾.

Названія *Болох-ов-ъ*, *Болох-ов-о* всего вѣроятнѣе произошли не отъ имени *болохъ*=*волохъ* и не отъ какаго-нибудь иноземнаго слова⁴⁾,

schen Namens hergenommen“. Лишь Трансильванскіе нѣмцы въ XIX в. называли Румынъ *Bloochen*, что образовалось изъ славянскаго обозначенія Влахъ либо Волохъ. Эта трансильванская форма имени была бы весьма интересна, если бы встрѣчалась ближе къ Руси, и если бы можно было вѣрить въ ея древность.

1) Къ этой формѣ должно возводить латинскую *Walachus*, употребляющуюся въ галицкихъ латинскихъ актахъ. См. хотя бы у И. А. Линниченка, „Черты“ и пр., стр. 176, примѣч.: „Щепанъ *Волошинъ* Рыботицкій“. Объ употребленіи термина „Волохи“ въ Буковинѣ см. *akta grodzkie i ziemskie*, VII, str. 198. Въ другихъ русскихъ словахъ, конечно, бывалъ переходъ *в* въ *б*: извѣстны *болохъ* и *волохъ*.

2) С. Волоше, Волошовъ, Волошинъ, Волошъ, Валаховка, Волошатка, Волохи и т. п., о которыхъ см. Miklosich, *Ueb. die Wanderungen der Rumunen*, 33. Точно также и въ другихъ мѣстахъ юго-зап. Руси есть населенныя мѣста съ подобными названіями, напр., урочище *Волоховъ* въ дер. Воровѣ Житомирскаго у. Въ одной изъ малорусскихъ пѣсенъ упоминается *Волоховъ*.

3) По словамъ документа 1472 г. (*akta gr. i ziemskie*, VII, № LXV, стр. 127), „in viginti marcis... Johannes Chodorowsky Venceslao villam suam in districtu Leopoliensi et territorio Zudaczowyensi sitam, Bolechow (въ примѣч. говорится: *Bolechów w powiecie doliniańskim*) *Valachorum* dictam, post fluvium Szukyl jacentem... tenere obligavit et invadiavit“. Этотъ *Bolechow Walachicum* отличается отъ *Bolechow'a Ruthenicum=guski*, отстоящаго отъ перваго въ 10 километрахъ и въ народномъ говорѣ именующагося *Болэхивъ*. Ср. „Нов. домыслы“, стр. 7—8, прим. 2, и у Линниченка, „Черты“ и пр., стр. 170—171.

4) Въ засѣданіи Историческаго Общества Нестора-лѣтописца 25-го ноября 1898 г., при обсужденіи настоящей статьи, Н. В. Молчановскій указалъ на слово *болохъ*, *булохъ* тюркскаго происхожденія, встрѣчающееся уже въ Половецкомъ словарѣ и означающее рѣчку. Въ отвѣтъ на это было замѣчено, что нѣтъ надобности обращаться къ тюркскимъ нарѣчіямъ, если есть вполне подобозвучныя славянскія наименованія (см. слѣд. примѣчаніе), и что нѣтъ слѣдовъ тюркскихъ поселеній въ мѣстности *Болохова* около 1150 года, когда впервые появляется въ лѣтописи это мѣстное названіе; послѣ же разгрома половцевъ, происшедшаго въ 1223 и 1238 г., они вскорѣ удалились въ Прикарпатскія страны и въ Угрію (см. *II. В. Голубовскаго*, „Половцы въ Венгрію“, К., 1889, стр. 4—5; „Княж. Дан. Гал.“, стр. 74), а оставшіеся

а отъ чисто славянскаго корня, къ которому можетъ быть возведено немалое количество различныхъ формъ¹⁾. Отъ этого-то чисто славянскаго корня и могли выйти мѣстныя названія Болоховъ, Болохово и близкія къ послѣднимъ, встрѣчающіеся на огромномъ протяженіи территоріи, заселенной славянскими племенами отъ предѣловъ Чехіи и до Волги, слѣдовательно, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не бывало ни румынскихъ, ни половецкихъ поселеній²⁾. Отмѣчу еще и то, что

въ небольшомъ количествѣ на западно-русской территоріи считались на правой сторонѣ Днѣпра. — Сверхъ того В. Б. Антоновичъ поставилъ вопросъ, почему же названіе Болоховъ не встрѣчается въ мѣстности несомнѣнно Черновлобудицкихъ поселеній? Прибавлю, что если бы имѣть въ виду подобозвучіе, можно бы подыскать и другія параллели. Такъ, въ Cod. dipl. Hung. Andegav., 1878, р. 63, № 57, читаемъ: „Nicolay filij Nicolay *Bolugh* dicti“; въ калмыцкомъ яз. есть *болху*, *булаху* (Голстунскій, Монголооиратскіе законы 1640, Спб., 1880, стр. 45).

¹⁾ Отмѣчу болохъ, названіе болотнаго растенія калужицы=*caltha palustris*, употребляющееся не только въ чешскомъ, но, по свидѣтельству А. С. Петрушевича, и въ малорусскомъ языкѣ (въ послѣднемъ мнѣ извѣстно для этого растенія названіе „лотать“); далѣе—болховни (пошевни), болхъръ. Балахрысть, балахлысть, балахлыстать, балахня и т. п. врядь ли подходятъ сюда. Не привожу значенія словъ болоховець и болоховий, о которыхъ буду говорить потомъ; первое, быть можетъ, вначалѣ обозначало жителя нашего Болохова и стало нарицательнымъ вполнѣ, какъ, напр., Коломыець. Укажу еще на то, что и въ числѣ древнихъ польскихъ личныхъ именъ встрѣчается Bloch: *K. Stadnicki, Przyczynek do heraldyki polskiej w średnich wiekach, we Lwowie, 1879, str. 8*. См. еще *Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Wien, 1886, s. 17: bolgú*.

²⁾ О чешскихъ, моравскихъ и польскихъ названіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ Болохову, см. „Новѣйшіе домыслы“, стр. 8—10. Перечень поселеній съ названіями отъ *Bolech* и *Boloch* см. въ *Słownik, I, 297—298*.—Въ Галичинѣ надо различать формы мѣстныхъ названій, находящіеся въ связи съ Болоховъ, и другія, прямо тождественныя съ древнимъ лѣтописнымъ наименованіемъ Болоховъ. Я перечислилъ тѣ и другія въ „Болох з.“, стр. 5, и въ статьѣ „Новѣйшіе домыслы“, стр. 9. Формы Болоховъ сродны и польскія названія „*Bolechowice*“ и т. п., о которыхъ см. въ ст. „Новѣйшіе домыслы“, стр. 9. Къ помѣщенному тамъ списку упоминаній о польскихъ *Bolechowice* прибавлю, что въ документѣ 1454 г. въ числѣ свидѣтелей значится: „et Johanne Rey de *Bolechowicze* reginalis capelle preposito“ (*Monum. Pol. IV, 445*); подъ 1532 г. упомянута „*rus Bolechoviense*“ (*Monum. Pol. V, 898*). *Schulz, str. 85*, упоминаетъ о „*nazwie Żmudskiej Białochowa*“; *Białochowo* существовало въ Польшѣ уже въ XIII в. со стороны прусской границы: *Słownik, I, 188*. Нѣкоторыя интересующія насъ здѣсь названія носятъ двойную форму: русская форма передѣлывается иногда въ Галичинѣ примѣнительно къ польской излюбленной формѣ: таково названіе *Bolechowice* albo *Bolochowce z Wolą Bolechowska* въ землѣ Перемышльской, въ Дрогобычскомъ у. (по нар. выговору Болоховци; „Нов. домыслы“, стр. 8, и Линиченко, стр. 171). Народная форма названія отсутствуетъ въ

ни одинъ изъ названныхъ лѣтописью Болоховскихъ городовъ не указываетъ своимъ именемъ на основаніе казимъ-нибудь инороднымъ племенемъ ¹⁾). На это могутъ, впрочемъ, сказать, что Румыны водворились въ мѣстахъ славянскихъ поселеній, которыя удержали прежнее названіе и при новыхъ обитателяхъ.

Ms. Инст. Оссолинскихъ, № 2830 (Registratura generalis), но есть („Bolochowce, w Przem.“) въ Ms. Инстит. Оссолинскихъ, № 497, л. 27. Въ этомъ Ms. и въ Ms. 499 (л. 48 об.) есть цѣлый рядъ мѣстныхъ названій Bolechow, Bolechowo, Bolechowice и т. п. О Болоховѣ въ Калюшскомъ повѣтѣ (Линнич., 171) я также упоминалъ въ „Нов. домыслахъ“, стр. 8. Замѣчу еще, что исправленіе чтенія „Белховичъ“ въ грамотѣ Казимира Львову и различные варианты этого названія въ печатныхъ монографіяхъ см. у Kupasiewicz'a въ его рецензій на Энциклопедію Шнейдера, 33, и въ его же Przechadzki archeologiczne. — За предѣлами Галичины укажу на колонію Болохи въ Лудкомъ у. О дворницѣ Болохово во Владимирскомъ повѣтѣ см. въ прилож. № III. Въ документахъ Кіевского Центрального Архива можно встрѣтить не разъ Волынскія названія населенныхъ мѣстностей этого корня за предѣлами, установленными нами для древней Болоховской земли. Далѣе, извѣстно Булохово въ Черниговской губ., городъ Болховъ въ Орловской (о немъ: „Болховъ. Краткій историческій очеркъ“—Орловскій Вѣстникъ 1889, № 87; *Рустикъ* (Мартемьяновъ, Городъ Болховъ, Орловской губерніи. Историческо-бытовые очерки, Орель, 1897); этотъ Болховъ иные связываютъ съ древнимъ Болоховымъ. См. еще Болховъ, Болховой, р. Болховець у *Д. И. Баталя*, „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“, Харьковъ, 1886, стр. 3, 56, 141, 142, 144, 178, 181, 182; почему въ указателѣ (стр. 343) стоитъ Болоховець, изъ текста не видно; „Болховская дорога“—въ Большомъ Чертежѣ, изд. Спасскимъ, 14; „Белехово поле“—во Владимирскомъ (сѣверномъ) княжествѣ (Ип., 407); С. Болоховское въ Самарской губ.

¹⁾ Румынскую форму имени носить, можетъ показаться, находившіеся недалеко отъ Болохова Мунаревъ (Ип., 278, 346; предложенный мною для сопоставленія теперешній Мошуровъ Уманскаго у., по мнѣнію г. Андрияшева, „Ист. Вол. з.“, с. 188, „рѣшительно не годится“; не пригоденъ и въ документѣ 1586 г., Ms. № 3268 Инст. Оссолинскихъ, т. I, стр. 470, упомянутый Микагоу на Подольѣ) и Жедечевъ (Ип. л., 555; ср. Галицкій Жыдачевъ=Жудечевъ, „Вѣстн. нар. дома“ 1884, ч. 25, стр. 225). Чернятинъ также какъ будто указываетъ на связь съ Румынами (см. Ж. М. Н. Пр. 1877 г., № 8, статью Бурачкова, стр. 211. Перечень Чернятиновъ см. въ Słownik geograf., I, 819. Быль Чернятинъ и въ Тверской землѣ; о немъ см. *Борзакоскаю*, „Исторія Тверскаго княжества“, стр. 28). Но все это не говоритъ еще о Румынскомъ населеніи Болоховской земли. Названія городовъ ея не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній въ славянскомъ происхожденіи. Наиболее можетъ останавливать на себѣ вниманіе Кобудъ, но корень этого названія (Коб)—славянскій. Не перечисляя русскихъ словъ этого корня (напр., Ип., 568), приведу изъ Иречка *Anthologie, svaz. I, str. XXXVI: Kob, genit kobi(ž), šťastná událost, štěstí vhodné: By syn kob králevi čtnému* (Alex. I, 80). Кобудъ имѣется въ Черниговской губерніи. Что до Кудина, то укажу на древне-русское слово *кудъ* (см., напр., у А. Н. Веселовскаго, Разысканія, X, 208) и *кудити* (Матеріалы для сравнит. и объяснительнаго словаря рус-

Оставимъ же въ сторонѣ чисто филологическія данныя и обратимся къ исторической аргументаціи.

И. А. Линниченко повторилъ ея въ сущности болѣе раннее предположеніе А. С. Петрушевича, высказанное послѣднимъ еще въ статьѣ 1877 г.: „Кто были Болоховскіе князья“? По словамъ А. С. Петрушевича, „воинственный духъ Влаховъ, по всей вѣроятности, былъ причиною, что мужественный владѣтель южной Руси, Романъ Мстиславичъ, названъ современниками самодержцемъ всей русской земли, призвалъ нѣкоторыхъ начальниковъ, т. е. князей Румынскаго племени съ дружиною ихъ въ свою войсковую службу, опредѣляя тѣмъ Румынскимъ выходцамъ изъ Задунайскихъ странъ южнорусскую область между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ; слѣдовательно, ничего страннаго въ томъ, что уже въ первой половинѣ XIII вѣка видимъ Болоховскихъ князей въ полкахъ Романа сына Даниїла и брата его Василька, сражающихся въ войнѣ съ Ятвягами и вторгнувшихъ тогда даже въ сосѣднюю Мазовскую землю“. „Непосредственная государственная и церковная связь Руси съ болгарами, и тѣмъ же съ византійскою имперіею въ XIII вѣкѣ, подавала лучшую случайность воинственному князю Роману пользоваться услугами Румынскаго племени, находящагося въ его время въ неизясненномъ еще странствованіи изъ Задунайскихъ странъ въ сосѣднее Угорское государство, куда также мѣстными Мадьярскими королями тѣ же Румыны какъ и нѣмецкіи колоніи въ восточную часть Семиграда, для поселеній и обереганія восточныхъ границъ отъ Куманскихъ нападений, доброохотно призывались и въ самомъ дѣлѣ численно поселялись... не думаю здѣсь подносить и рѣшати вопроса: не образовало ли румынское племя уже составную часть бывшаго Берладскаго княжества?“ У И. А. Линниченка читаемъ приблизительно то же: „какъ кажется, первые валашскіе выходцы въ Червон. Русь составляли, подобно словакамъ въ Венгріи, нѣчто въ родѣ пограничной стражи. Таковы, какъ кажется, были Болоховцы XIII в.“¹⁾

Дѣйствительно, Болоховцы жили какъ будто вдоль юго-восточной окраины Волынскихъ земель и сѣверо-восточной границы галиц-

скаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій, изд. II-го отд. И. А. Н., тетр. I, Спб., 1853, столб. 224); о цѣломъ рядѣ названій поселеній отъ корня *куд* см. въ Slownik, IV, str. 844—847. Того же, вѣроятно, корня „Кудьново сельцо“ въ Переяславскомъ княжествѣ (Иш. л., 264).

¹⁾ „Черты“ и пр., стр. 208.

каго княжества, въ украинной полосѣ отъ степняковъ¹⁾; но Романъ, который могъ бы поселить ихъ тамъ, не нуждался въ содѣйствіи Румынъ, потому что нанесъ такое пораженіе половцамъ, что они страшили своихъ дѣтей его именемъ, а въ малолѣтство сыновей Романа князья въ Галичѣ быстро смѣнялись и врядъ ли имѣли досугъ и надобность заселять восточную окраину своихъ земель для защиты ихъ отъ половцевъ, которые перестали въ то время быть грозой южно-русскихъ княжествъ, истощенные пораженіями и походами на югъ, въ предѣлы Византіи²⁾. Даниилъ же Роман. былъ въ союзѣ съ остатками половцевъ³⁾.

Если Болоховскіе князья были служилыми лишь начальниками румынскихъ дружинъ, то странно, что Мазовецкій князь признавалъ ихъ, какъ увидимъ, „особными князьями“. А главное—наименованіе Болоховымъ цѣлой мѣстности по имени Румынъ должно было бы произойти весьма рано въ XII стол., потому что лѣтопись называетъ Болохово уже подъ 1150 г. Допустить однако столь раннее поселеніе Румынъ такъ далеко къ сѣверу отъ Дуная врядъ ли возможно, судя по тѣмъ историческимъ даннымъ, которыми мы располагаемъ⁴⁾.

¹⁾ Пространство къ востоку отъ р. Случи до рр. Уши и Тетерева, повидному, было слабо населено и представляло лѣсистую мѣстность, носившую названіе Чортова лѣса. Названіе Чортова лѣса держалось еще и въ концѣ XVI стол., какъ это видно изъ люстраціи того времени: „Zaścianek pod Czartowym lasem Tatar trzuma“. *Dr. Antoni J., Sylwetki, Ser. IX, Krak., 1893, str. 265.* Ср. у Молчановскаго стр. 130. Въ половинѣ XII ст. гор. Божскій являлся, повидному, юго-зап. пунктомъ, изъ котораго удобно было наблюдать за кочевниками (см. „Болох. з.“, стр. 7, пр. 25). Юго-западную укрѣпленную линію Киевской земли было Потетеревьє, какъ то видно изъ извѣстія лѣтописи XII в. (см. „Нов. дом.“, стр. 21, прим. 2). Для свѣдѣній о городахъ по Тетереву см. отчетъ о раскопкахъ В. Б. Антоновича лѣтомъ 1887 г.— въ „Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нест.-лѣт.“, кн. III, К., 1889, отд. I, стр. 12 и слѣд.: „о городищахъ до-княжескаго и удѣльно-вѣчевого періода, находящихся въ западной части древней Киевской земли“, и въ отчетѣ Имп. Арх. Коммиссіи за 1887 г.

²⁾ Ср. *Бурачкова* „Опытъ изслѣдованія о Куманахъ или Половцахъ“, стр. 10—11; ср. 21—22.

³⁾ См. „Княж. Дан. Гал.“, стр. 55. „Отче, прими мя в любовь собѣ“, говорилъ Даниилъ Котяну: *Ии.*, 503.

⁴⁾ См. сводъ ихъ въ *Kaindl*, „Geschichte der Bukowina, Erster Abschnitt“, Czernowitz, 1888 (*Der Buchenwald*, № 2), S. 62 fgde. (Авторъ приводитъ выдержку изъ Калужняцкаго о Болоховцахъ, но замѣчаетъ: „Ganz bestimmt ist es indess nicht, dass die Bolochowscen Walachen waren“) и въ *Kaindl und Manastyrski*, „Die Rutenen in der Bukowina. I-ter Theil“, Czernow., 1891, S. 20. Здѣсь приведены не всѣ данныя, такъ какъ первое определенное упоминаніе о Румынахъ къ сѣверу отъ Дуная отнесено къ 1164 г. (то же находимъ и у г. Калужняцкаго), между тѣмъ какъ Румыны стали проникать въ сѣверо-дунайскія земли нѣсколькими десяти-

Невозможно отрицать воинственность волоховъ XIII в., но они были въ значительной степени народомъ пастушескимъ¹⁾. Данныя же о городахъ и образѣ жизни Болоховцевъ не указываютъ на какое-нибудь отличіе послѣднихъ отъ чисто славянскаго населенія русскихъ земель. Такъ города Болоховцевъ, повидимому, были весьма укрѣплены, если Даніилъ собственными силами не могъ взять одного изъ нихъ, Дядькова, и на помощь вызвалъ изъ Бакоты печатника Курилу съ 3000 пѣхоты и 300 чел. конницы²⁾. Послѣ взятія Болоховскихъ городовъ приходилось раскапывать ихъ гребли, что указываетъ, быть можетъ, и на низменную, трудно проходимую мѣстность, окружающую эти города, и несомнѣнно также на валы и рвы ихъ³⁾. Жители Болохова, повидимому, занимались по преимуществу земледѣліемъ. Ничего подобнаго нельзя сказать о Половцахъ⁴⁾, да и о Румынахъ XIII в.

лѣтіями ранѣе, но, во всякомъ случаѣ, по словамъ *Kaindl* и, лишь съ 1222 г., къ которому относится привилегія Андрея II, mit dieser auch örtlich bestimmten Nachricht über die norddanubischen Walachen, beginnt deren Geschichte im Norden der Donau. На территоріи позднѣйшей Молдавіи Волохи стали селиться, повидимому, еще позднѣе (см. *Wickenhauser*, „Molda oder Beiträge zur Geschichte der Moldau und Bukowina“, I Bd., Czernowitz, 1881, S. 235; II Bd., Czernow., 1885, S. 8. Ср. „Xénopol“, I, 166 — 167, Kaluzniacki въ Miklosich, „Ueb. die Wanderungen“, 39) и утверждения о движеніи Румынъ въ русскіе предѣлы въ XII в. (Miklosich, „Ueber die Wanderungen“, 50 п 52) — лишь предположенія; даже г. Калужняцкій въ одномъ мѣстѣ (S. 43) считаетъ вполне вѣроятнымъ принять за начало этихъ движеній лишь XIII в.

¹⁾ Оттуда передача Румынами словъ, имѣющихъ отношеніе къ пастушескому быту, каковы перечисленные въ ст. „Нов. домыслы“, стр. 14. Первоначальное значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ измѣнилось. Такъ, у Драгоманова, „Малор. нар. пред. и рассказы“, стр. 228, читаемъ такое толкованіе: „Ватагъ це-б то старший отаманъ у розбойників“. Ср. *Miklosich*, „Die türkischen Elemente in der südost-und osteuropäischen Sprachen, zw. Hälfte“, Wien, 1884, S. 83. Къ словамъ, перечисленнымъ въ статьѣ „Нов. домыслы“, прибавлю еще: костуръ, кошара.

²⁾ „Ип. л.“, 526.

³⁾ Въ „Ип. си.“ встрѣчаются гребля и гробля. И объ одномъ чешскомъ городѣ говорится („Ип. л.“, 547): „и греблю малу видяще“. Надо бы, вѣроятно, для объясненія гребель Болоховскихъ городовъ привлечь современное значеніе малорусскаго слова гребля въ смыслѣ гати, по которой совершается переѣздъ черезъ прудъ либо рѣчку (ср. Ип., 272). Быть можетъ, Болох. города были окружены валами (ср. Ип., 504) и рвами, либо болотами, черезъ которые были проложены гати. Ср. въ „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ 1897, № 11, стр. 365—367. рецензію на Conwentz, „Die Moorbrücken im Thale der Sorge auf der Grenze zwischen Westpreussen u. Ostpreussen“, Danzig, 1897.

⁴⁾ О Половецкихъ городахъ и объ образѣ жизни Половцевъ см. у Бурачкова, стр. 17—18. Образъ жизни чабановъ извѣстенъ.

Если бы искать не чисто русских насельниковъ для Болехова, то умѣстнѣе всего было бы остановиться на загадочныхъ бродникахъ, участвовавшихъ въ Калекской битвѣ, обитавшихъ между прочимъ на восточной окраинѣ Угрии и представлявшихъ, быть можетъ, скопище разнороднаго люда преимущ. русскаго и отчасти неславянскаго происхожденія¹⁾.

Но съ принятіемъ Болеховцевъ за бродниковъ явилась бы трудность объясненія своеобразнаго княжескаго строя, несомнѣнно существовавшаго у Болеховцевъ.

По мнѣнію сторонниковъ румынскаго происхожденія Болеховцевъ, „загадочные Болеховскіе князья XIII в., надѣлавшіе столько хлопотъ Данилу Романовичу, были просто князья валашскихъ поселеній, переселившіеся въ Гал. Русь“²⁾.

Это предположеніе, на мой взглядъ, представляетъ главный интересъ въ гипотезѣ о румынскомъ происхожденіи Болеховскихъ князей. Имъ можетъ быть объяснено довольно удовлетворительно существованіе немалочисленныхъ, повидимому, мѣстныхъ князей—не Рюриковичей—въ Болеховской землѣ. Какъ извѣстно, старшины румынскихъ поселеній носили названіе князей. Главы Болеховцевъ могли именоваться князьями въ Румынскомъ смыслѣ.

Но и помимо Румынь у славянскихъ насельниковъ Болехова могли существовать мѣстные старшины съ названіемъ князей. Это могло быть переживаніемъ отдаленной славянской старины, потому что въ славянскихъ земляхъ названіе князь долго употреблялось въ такомъ же смыслѣ, какъ у Румынь³⁾, и видимо послѣдніе заимство-

¹⁾ Предположеніе о происхожденіи названія *Бродники* см. у *Потебни*, „Объясненія малорусскихъ и среднихъ народныхъ пѣсень“, II, Варш., 1887, стр. 701—702. Тамъ же, на стр. 382, о томъ, что пѣсенные „блудци“ напоминаютъ Бродники.

²⁾ „Черты“ и проч., 170. О валашскихъ князьяхъ, которыми бывали „какъ крестьяне, такъ и nobiles“, см. *ib.*, 182.

³⁾ И теперь называются „князьями“ сельскіе старшины въ Босніи и Герцеговинѣ: „Этногр. Обзор.“, XVI (1893), стр. 136. Слово князь въ обыденномъ смыслѣ долго было въ ходу у насъ: *Ганка*, „Остатки славянскаго богослуженія“, XIX. См. еще о словѣ „ksiądz“ *Brückner*, „O Piaście: Rozpr. i sprawozd. wydz. hist.-philosof.“, XXV. Въ пѣсняхъ также находимъ слѣды употребленія слова князь не въ смыслѣ обозначенія владѣтельнаго лица. Приведу пѣсню, въ которой упоминается не лишенный значенія въ настоящемъ вопросѣ галицкій Болеховъ, по рукописи № 2411 библ. Инст. Оссолинскихъ, т. II, 18:

Ой горами, долинами
 Ёдутъ Турки съ Татарами,
 Меже ними Туркиенька,

вали это у южныхъ славянъ. Не касаюсь здѣсь того множества князей въ русскихъ земляхъ XIV и послѣдующихъ вѣковъ, въ особен-ности на Волыни, въ которое, вѣроятно, также вошли не только Рюриковичи и Гедиминовичи, но и друг. роды ¹⁾.

Такъ теряетъ силу неоспоримаго доказательства и послѣдній доводъ, на который опирается теорія румынскаго происхожденія Болоховцевъ.

Вторая теорія относительно Болоховскихъ князей, на которой надлежитъ остановить вниманіе читателей, представляетъ раскрытіе гипотезы, впервые высказанной Карамзинымъ. Въ 70-хъ годахъ нашего вѣка ее развилъ и старался обосновать при помощи Любецкаго синодика г. Квашининъ-Самаринъ. Въ значительной степени утвержденія послѣдняго повторилъ не такъ давно Р. Вл. Зотовъ въ своей монографіи о Черниговскихъ князьяхъ по тому же синодику ²⁾, удостоенной премии со стороны Имп. Академіи Наукъ. Въ сущности этотъ позднѣйшій изслѣдователь не нашелъ сколько-нибудь цѣнныхъ новыхъ фактовъ и не высказалъ цѣнныхъ новыхъ соображеній, но въ виду попытки систематически обосновать гипотезу, не разъ уже повторявшуюся въ наукѣ, доказательства, приведенныя Зотовымъ, заслуживаютъ тщательнаго разбора.

Начнемъ съ того, что Зотовъ отождествляетъ названіе князей Болоховскихъ съ названіемъ Болховскихъ. По его словамъ, „въ XII

*З Болохова княгиненька,
Русу косу розчесала,
Чорни очи заплакала,
Дрібне листе росписала,
До батенька передала:
Най се батько негорбуе,
Най ми посагъ неготуе:
Вже я посагъ истратила,
Въ чистѣмъ поли по неволі,
Підъ яворомъ зелененькимъ,
Ись Турчиномъ молоденькимъ.*

(Пѣсни. I Сборникъ 1837, № 3, — пѣсня, записанная въ Розгірчѣ).

¹⁾ *Jul. Bartoszewicz*, „Kniaź i książę“, Krak., 1876 (Odbicie ze „Szkiców społecz. i litér.“). Перепечатано (повидимому, — съ рукопися; см. „Od Wydawcy“) въ „Dziela Juliana Bartoszewicza“, t. X, Krak., 1881.

²⁾ „О Черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ Татарское время“. Изслѣдованіе Р. Вл. Зотова. Изд. Археографической Коммисіи, Спб., 1892. Вопросы о Болоховцахъ авторъ касается въ разныхъ мѣстахъ книги, но полностью его мнѣніе изложено на стр. 156—165.

и XIII вѣкѣ было два Болохова: южный и сѣверо-восточный, или Черниговскій; о второмъ упоминаетъ Татищевъ уже подъ 1196 г. (III, 321). Названіе гор. Болхова, дѣйствительно, могло выйти изъ того же корня, что и имя Болохова, которому посвященъ настоящій этюдъ, но слѣдуетъ ли на этомъ основаніи предполагать, что оно занесено съ юга или наоборотъ? Подобное сближеніе было бы столь же произвольно, какъ и приуроченіе Черятина Тверской земли къ тѣмъ Чернятинцамъ, которыхъ лѣтопись XIII в. ставитъ рядомъ съ Болоховцами.

По мнѣнію Зотова, Болоховскіе князья „были Рюриковичи изъ потомства Олега Черниговскаго“ (стр. 156).

Въ подтвержденіе этого представлены слѣдующія соображенія:

1) „Болоховскіе князья появляются въ исторіи не раньше XIII вѣка“: въ галицко-волинской лѣтописи они упоминаются въ разсказѣ о событіяхъ 1231—1241 гг.; „послѣ 1241 года въ лѣтописяхъ не встрѣчается болѣе извѣстій о князьяхъ Болоховскихъ“. „По всей вѣроятности, князья Болоховскіе начали свое существованіе съ начала XIII столѣтія незадолго до перваго лѣтописнаго извѣстія о нихъ“. „Мы не знаемъ, чтобы въ XIII вѣкѣ были туземные князья въ какой-нибудь области Русской земли, да ихъ и не могло быть при существованіи многочисленнаго племени Рюриковичей, считавшихъ всю русскую землю достояніемъ только своего племени, и только самихъ себя считавшихъ въ правѣ владѣть многочисленными удѣлами всей Русской земли“.

Послѣдній доводъ былъ выставленъ мною въ монографіи о Болоховской землѣ въ подтвержденіе того, что въ Болоховѣ не могло быть въ XII стол. князей, *тотомъ* независимыхъ отъ Рюриковичей. Приведши мои слова о томъ, Зотовъ заключаетъ: „А если этого не могло быть въ XII вѣкѣ, то тѣмъ болѣе въ XIII вѣкѣ князьями въ Русской землѣ могли быть только Рюриковичи“.

Но кто не знаетъ, что XIII-й вѣкъ русской исторіи совсѣмъ не походилъ на XII-й? Время появленія Болоховскихъ князей въ лѣтописномъ повѣствованіи—время значительнаго шатанія и даже разложенія старой державы Рюриковичей на западныхъ окраинахъ русской земли. Это разложеніе привело во Псковѣ къ избранію въ князья литовца Довмонта. На юго-западѣ Руси уже въ началѣ XIII в. совершился неслыханный дотолѣ фактъ повѣшенія въ Галичѣ князей Рюриковичей и вокняженія *болярина*, не говоря уже о поддержкѣ

боярскою партією угорскаго королевича въ противовѣсь Рюриковичу Данилу. Послѣ татарскаго нашествія лѣтопись опять отмѣтила во княженіе двухъ бояръ въ галицкомъ Понизьѣ¹⁾. Замѣтимъ по этому поводу, что помимо всего остальнаго, въ автономныхъ стремленіяхъ Болоховской земли могла отзываться и галицкая анархія: свою западную часть Болоховская земля не только тянулась вдоль Волыни, но соприкасалась также и съ Теробовльскимъ округомъ Галицкой земли. Такъ, напр., Збаражъ, до окрестностей котораго доходило Болохово XVI и, вѣроятно, также XIII в., принадлежалъ въ началѣ XIII в. въ Теробовльскому округу²⁾. Мы увидимъ ниже цѣлый рядъ фактовъ отложенія отъ власти Рюриковичей земель, которыя дотолѣ признавали власть этого княж. рода и которыя Данилу пришлось возвращать подъ эту власть силою оружія. Здѣсь же достаточно отмѣтить лишь въ общихъ чертахъ паденіе авторитета Рюриковичей на юго-западѣ Руси въ XIII в., проявлявшееся не разъ въ ту пору, когда, по словамъ лѣтописца, происходили „бесчисленныя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многія крामолы, и частая востанія, и многія мятежи, из(т)млада бо не бы покоя“ Романовичамъ³⁾. Въ виду всего этого появленіе во главѣ Болохова собственныхъ князей, не Рюриковичей, не представляетъ ничего невѣроятнаго. И возможность подобнаго факта заставляеть, очевидно, предположить и та теорія, которая усвоеть Половецкое происхожденіе князьямъ Болоховской земли, либо считаетъ населеніе ея состоявшимъ изъ смѣси съ Черноглобуцкимъ элементомъ.

Что до времени перваго вступленія Болоховскихъ князей на историческое поприще, то оно не свидѣтельствуетъ съ полною убѣдительностію въ пользу предположенія Зотова о происхожденіи этихъ князей отъ Игоревичей, повѣшенныхъ въ Галичѣ: отъ этого повѣшенія до 30-хъ гг. XIII в. прошло около 20 лѣтъ, и будь сыновья Игоревичей (напр. Изяславъ) князьями Болохова, они проявили бы свою враждебность Данилу ранѣе. Отмѣтимъ еще, что временемъ появленія Болоховскихъ князей въ исторіи могутъ воспользоваться и поборники гипотезы о принадлежности Болоховскихъ князей къ Половцамъ: послѣ Калкскаго раз-

¹⁾ Эти дѣянія Галицкихъ бояръ приводитъ, какъ увидимъ, самъ Зотовъ въ четвертомъ своемъ доказательствѣ.

²⁾ Ип. л., 488: „Лестько ... воева около Теробовля и около Моклекова и Збыража“ (въ двухъ другихъ спискахъ „Збаража“).

³⁾ Ип. л., 501.

грома послѣдніе могли-де очутиться въ предѣлахъ Болоховской земли какъ разъ въ то время, когда вынибають загадочные Болоховскіе князья.

2-е доказательство Зотова представляетъ повтореніе старой ссылки на выраженіе двухъ Ольговичей, Михаила Всеволодовича и Изяслава Владимировича (?), о Болоховскихъ князьяхъ, какъ о „братіи“ ихъ. Когда однажды „все князи Болоховьсци изомани быща“ боярами Данила и были приведены въ стольный его городъ Владимірь (Волинскій), „нача посылати Михаилъ и Изяславъ, грозяча: „дай *нашу* братью, или прїдемъ на тя войною“¹⁾. „Это указаніе, говоритъ Зотовъ, весьма важно, такъ какъ такіе гордые князья, какъ Ольговичи, такъ высоко цѣнившіе свое старшинство и свое право на господство въ Руси, даже передъ Мономаховичами, не могли называть своими братьями какихъ-то туземныхъ князьковъ, тѣмъ болѣе выборныхъ народомъ изъ своей среды“. Еще не порѣшенъ окончательно вопросъ о томъ, Ольговичемъ ли считать Изяслава Владимировича, о которомъ говоритъ приведенное мѣсто лѣтописи²⁾, но еслибы даже было и такъ, выраженіе Михаила и Изяслава не свидѣтельствовало бы *непрѣменно и исключительно* о томъ, что Болоховскіе князья были ихъ ближайшіе, единокровные, родственники. Могло быть и болѣе отдаленное родство, напр. въ силу какихъ-нибудь брачныхъ союзовъ. Могло также подать поводъ къ указаннымъ словамъ Михаила и Изяслава и братство съ Болоховскими князьями по оружію. Русскіе примѣры подобнаго употребленія выраженія братья³⁾ даже не относительно Рюриковичей были приведены мною въ монографіи о Болоховской землѣ⁴⁾, но Зотовъ обошелъ эти указанія, какъ будто ихъ и нѣтъ, и по поводу сказаннаго тамъ, что „нерѣдко братьями называли другъ друга князья различныхъ линій“, замѣчаетъ: „Но, прибавимъ, только князей одного съ ними происхожденія, только Рюриковичей они такъ называли“. Отсылая для надлежащей оцѣнки этого голословнаго утвержденія къ монографіи о Болохов-

¹⁾ Ил., 516.

²⁾ Грушевскій, „Оч. ист. Киевск. з.“, 282—283.

³⁾ По словамъ Стадницкаго, „w dokumentach i dyplomach nazwą *fratres* oznaczano bardzo dalekie stopnie pokrewienstwa wprawdzie po mieczu: ale z drugiej strony na całym zachodzie panujący dają ten tytuł w pismach członkom rodów ziąjących. chociaż są ich poddani i z nimi krwią nie połączeni (Vetter, Cousins).“

⁴⁾ См. стр. 28, текстъ и примѣчанія

ской землѣ, я обращаю здѣсь вниманіе читателей на то, при какихъ обстоятельствахъ Михаилъ и Изяславъ назвали Болоховскихъ князей своею братією. Послѣдніе являлись сподвижниками первыхъ въ борьбѣ съ Данииломъ, слѣдовательно, братьями по оружію. Наименованіе братією вполне понятно тогда и безъ предположенія о ближайшемъ родствѣ.

3) Третій доводъ Зотова основанъ на особомъ толкованіи выраженія о Болоховскихъ князьяхъ, употребленнаго Мазовецкимъ княземъ Болеславомъ въ переговорахъ о нихъ съ Данииломъ Галицкимъ. Болоховцы вошли въ Мазовію, и князь послѣдней „хотяше разграбити е“, „рекый (Даниилу): не суть вои твои, но суть особнии князи“¹⁾.

Объясненіе этихъ словъ у Зотова, подобно нѣкоторымъ другимъ разсужденіямъ его, страдаетъ значительной натяжкой. По словамъ Зотова, выраженіе „особнии князи“ „только объясняетъ, что Болоховскіе князья явились на историческую сцену по особеннымъ обстоятельствамъ (какимъ именомъ? спросимъ мы), были князьями особыхъ, для извѣстной (какой же?) цѣли созданныхъ (гѣмъ?) удѣловъ, или если не созданныхъ, то образовавшихся вслѣдствіе особыхъ причинъ. Слова Болеслава, обращенныя къ Даниилу, показываютъ, по нашему мнѣнію, то, что Болоховскіе князья не были подчинены Галицкимъ Романовичамъ, были князьями особой вѣтви Рюриковичей и владѣли особыми, независимыми отъ Галича удѣлами“.

Такое толкованіе врядъ ли согласно съ приемами, допускаемыми критикой, избѣгающей натяжекъ. Изъ выраженія Болеслава можно съ полнымъ правомъ вывести лишь то, что Болоховскіе князья дѣйствовали по собственному началу, произвели нашествіе не какъ воины Даниила, либо вообще подвластные ему, и что это были князья независимые. Отсюда еще можно произвести естественный выводъ, что это не были обособившіеся бояре Галицкихъ либо Волынскихъ земель: послѣднія также надо имѣть въ виду, потому что Даниилъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ Василькомъ, когда происходили разсматриваемые нами теперь переговоры о Болоховцахъ, былъ княземъ не только Галича, но и Волыни. Но изъ словъ Болеслава нельзя вывести, что Болоховскіе князья были Рюриковичи, какъ нельзя вывести безъ фантазирования и то, что это были князья какихъ-то удѣловъ, явившихся „по особеннымъ обстоятельствамъ“,

¹⁾ Ип., 527.

или „для известной цѣли созданных“: выраженіе „особнии“, примѣняясь къ смыслу переговоровъ, надлежитъ истолковать только, какъ „особо пришедшіе“, либо какъ „стоящіе особнякомъ, отдѣльные, независимые“. Что это могли быть, дѣйствительно, „особнии князи“ въ такомъ именно смыслѣ, видно и изъ того, что они „общася работѣ быти“ Данилу.

Чѣмъ обусловливалась эта отдѣльность, не берусь рѣшать, по отсутствію прямыхъ данныхъ, и ограничусь предположеніемъ, которое кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Быть можетъ, Болеховскіе князья и ранѣе поддерживали свою независимость отъ Галицко-Волинскихъ и Кіевскихъ Рюриковичей благодаря окраинному положенію своей земли и тому обстоятельству, что она входила уже въ область движеній кочевниковъ на западъ, къ Дунаю и къ предѣламъ Византіи. Врядъ ли при этомъ Болеховская земля принадлежала всецѣло къ отложившимся отъ Галицко-Волинскихъ и Кіевскихъ Рюриковичей лишь въ смутное время южнорусской исторіи. Изъ владѣній дома Владиміра св. въ XII столѣтіи несомнѣнно въ составъ Болеховской земли XIII вѣка вошли опредѣленные теперь съ точностью сѣверные ея города: Деревичъ и Губинъ; находились на территоріи Рюриковичей и городъ Кудинъ, также съ полною вѣроятностью указанный теперь, и Божскій, упоминаемый въ лѣтописи XII вѣка ¹⁾, но, пока нельзя будетъ сказать ничего рѣшительнаго о мѣстѣ нахождения этого Божскаго, а также Городца и Дядькова, южныя границы Болехова XIII в. останутся неясными. Во всякомъ случаѣ, пѣть вѣскихъ пренятствій полагаютъ, что Болеховская земля XIII в. простиралась и къ югу верховьевъ р. Бога, и, слѣдовательно, входила и въ ту область къ сѣверу отъ Чернаго моря, которая была, повидимому, населена осѣдлыми жителями, вѣроятно, русскаго происхожденія, но не принадлежала къ составу русскихъ княжествъ, по крайней мѣрѣ не состояла въ постоянной и полной зависимости отъ нихъ ²⁾. Къ та-

¹⁾ Ии., 234, 243, 257, 258, 305, 313. Этотъ Божскій находился въ незначительномъ отдаленіи отъ Межибожья.

²⁾ Въ эпоху послѣ татарскаго нашествія нѣкоторые изъ земель, находившихся къ югу отъ Русскихъ княжествъ, какъ сказано уже выше, обозначены въ Галицко-Волинской лѣтописи названіемъ „Побожья“ и „людей татарскихъ“ (Ии., 555). До татарскаго нашествія, очевидно, въ тѣхъ мѣстахъ также должно было существовать русское населеніе, можетъ быть, въ томъ числѣ и бродячки. Нѣсколько свѣдѣній о славянскомъ населеніи земель между Днѣпромъ и Дунаемъ см. у П. В. Голубовскаго

кому издавна независимому отъ Рюриковичей русскому люду могли принадлежать и Болоховцы со своими князьями. Подвластную Рюриковичамъ полосу къ сѣверу отъ р. Бога, между Галицко-Волынскими землями, съ одной стороны, и Кіевскою—съ другой, они могли занять въ смутное время южнорусскихъ княжествъ, въ XII, либо въ XIII вѣкѣ. Конечно, невозможно утверждать все это съ полною рѣшительностію, но изъ ряда гипотезъ, объясняющихъ происхождение загадочныхъ Болоховскихъ князей, это наиболѣе вѣроятная и наилучше раскрывающая, какъ могли явиться по сосѣдству съ Волынью и Галичемъ такіе „особнии князи“.

Отличными отъ другихъ являются Болоховскіе князья и въ своемъ образѣ дѣйствій. Какъ бродники въ Калкской битвѣ, такъ и Болоховцы во время татарскаго нашествія держались въ отношеніи къ татарамъ не такъ, какъ русскіе земель, подвластныхъ Рюриковичамъ. Болоховцы ранѣе другихъ вступили въ прямое и добровольное подчиненіе татарамъ, и не даромъ лѣтопись отмѣчаетъ то обстоятельство, что Болоховскіе князья „отъ Татаръ большую надежду имѣаху“. По мнѣнію Зотова, это обстоятельство не можетъ быть признано характернымъ. „Въ отношеніи къ Татарамъ, говоритъ онъ, въ первое время послѣ завоеванія ими Руси, главнымъ принципомъ политики всѣхъ князей было смиреніе, полное подчиненіе и полная готовность исполнять всѣ требованія Татаръ“. Это не совсѣмъ точно. Не всѣ русскіе

„Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ“, К., 1884, стр. 200—209. Свѣдѣнія эти могли бы быть пополнены, напр., при помощи Эдриси для середины XII вѣка. Изъ показаній Эдриси видно, что то не былъ край безлюдный. См. *J. Lelewel*, „Polska wieków średnich“, t. II, Pozn., 1847, „Opisanie polski i jęj sąsiedztwa za czasu Bolesława Krzywoustego“. Уличи и Тиверцы могли удалиться подъ давленіемъ кочевниковъ не только въ Придунайскія земли (говорять, въ Болгарію—см. „Кіевскую Старину“ 1883 года, № 7-й, стр. 428), но и выше по рѣкамъ Богу и Днѣстру. Интересно бы выяснить точно, къ какому времени относится возстановленное академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ лѣтописное извѣстіе о томъ, что Уличи перешли изъ прежняго мѣста жительства въ полосу „межи Богъ и Днѣстръ“. Замѣчательно, что племенное названіе Уличей держалось до XVII в., а слѣдовательно и созваніе ихъ особенности. Что Побожье въ XII в. представляло край, не вполне включенный въ составъ русскихъ княжескихъ земель, видно изъ нѣсколькихъ фактовъ, напр. изъ того, что Половцы, подвергшіеся однажды преслѣдованію за набѣгъ на Кіевскую землю, были догнаны „за рѣкою Бугомъ“ (Ип., стр. 384; см. въ ст. *М. Андреевскаго*: „Юрьевъ на Роси“, „К. Стар.“ 1883, №№ 9 и 10, стр. 21). Изяславъ говорилъ Ростиславу Юрьевичу: „иди въ Божьскій, и прѣбуди же тамо. . . постережи землѣ Руской оттолѣ“ (Ип., 258); слѣдовательно, Божскій въ XII в. былъ какъ бы форпостомъ Русской земли, и т. п. Но то не былъ также край, вполне утраченный: это видно, между прочимъ, изъ того, что о немъ не говорится, какъ о „землѣ незнаемѣ“, въ извѣстномъ мѣстѣ „Сл. о полку Иг.“: „Дивъ кличетъ“ и проч.

князья признали сразу власть татарь¹⁾ и не всё высказывали полную предупредительность въ отношеніи къ нимъ: Михаилъ Черниговскій первоначально искалъ, повидимому, опоры у Угровъ²⁾, затѣмъ былъ замученъ въ Ордѣ; Даниилъ Галицкій поѣхалъ туда „въ печали велицѣй, зане не утвердилъ бѣ землѣ своея города“, и притомъ—не скоро, лишь послѣ грознаго требованія, присланнаго оттуда: „дай Галичь!“ Повторяю, лѣтопись видимо отличаетъ отношеніе Болоховцевъ къ татарамъ отъ обычныхъ отношеній къ послѣднимъ со стороны Рюриковичей. и дѣйствительно, Болоховскіе князья рѣзко выдѣлялись своимъ поведеніемъ изъ ряда Рюриковичей: они покорились „безбожнымъ“, по выраженію лѣтописца, завоевателямъ уже во время самого нашествія татарь или даже прежде, а не значительно спустя, какъ иные южно-русскіе князья, а затѣмъ, какъ увидимъ, Болоховцы были поставлены въ лѣтописи на одной линіи съ „людьми татарскими“, т. е. признавшими непосредственное господство татарь.

Точно также и обращеніе Даниила съ Болоховцами и ихъ князьями не совсѣмъ походитъ на поступки его съ Рюриковичами и владѣніями Рюриковичей.

Окруженный съ дѣтства множествомъ враговъ, Даниилъ постоянно предпочиталъ жестокой мести возможность улаживать отношенія по возможности мирно. Онъ выказалъ, напр., милосердіе къ Михаилу Черниговскому и Ростиславу, даже уступилъ Луцкъ во владѣніе послѣднему и освободилъ жену Михаила³⁾; равно и съ Галицкими боярами онъ обращался безъ той строгости, какую проявлялъ нѣкогда Романъ, его отецъ, и не опустошалъ окончательно русскихъ земель своихъ противниковъ съ такою жестокостью, какъ иноземцы. Заступился-было Даниилъ и за Болоховскихъ князей предъ Болеславомъ Мазовецкимъ, но ошибся въ надеждѣ на благодарность съ ихъ стороны, и ему пришлось подумать о строгихъ мѣрахъ. Если бы то были отложившіеся отъ Даниила бояре, то онъ, казалось бы, долженъ былъ велѣть схватить ихъ, какъ приказалъ въ то же самое время „изоимати“ Доброслава и Григорія, или же распорядился бы

¹⁾ Лишь подъ 1274 г. отмѣтила Галицко-Волынская лѣтопись: „тогда бяху вси князи в воли Татарьской“ (Ип., 575; стр. 585: „тогда бо бяхуть князи Русци в воли Татарьской“). О независимости Смоленской земли до 1274 г. см. *П. В. Голубовскаго*, „Исторія Смоленской земли“, стр. 304.

²⁾ Ип., 528.

³⁾ Ип., 526.

изгнать Болоховскихъ князей и „установить“ возмущившуюся землю по своему распоряженію, какъ поступилъ въ своихъ Галицкихъ владѣніяхъ и какъ покончилъ съ отнавшимъ-было Дорогичиномъ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, Данилъ не разорялъ бы своей земли, будь Болоховскіе князья бояре, самовольно вокняжившіеся въ Галицкой либо Волынской отчинѣ Данила, или же въ землѣ Кіевской, на которую Данилъ также заявлялъ притязаніе и которою завладѣлъ-было передъ татарскимъ нашествіемъ. Между тѣмъ Данилъ раздѣляется съ землею Болоховцевъ совершенно не какъ съ областію, подвластною Рюриковичамъ: „грады ихъ огневи предасть и гребля ихъ раскопа... плѣнивъ землю Болоховскую и пожегъ.. не оста ничтоже во градѣ ихъ, еже бысть не пленено“. Данилъ такъ поступалъ еще въ земляхъ Ятвяговъ, Поляковъ и Чеховъ, съ которыми ему приходилось воевать: въ русскихъ же земляхъ война безъ участія иноплеменниковъ приводила по преимуществу лишь къ грабежу и взятію нѣкотораго полона во владѣніяхъ враждебнаго князя.

4-й доводъ Зотова сводится къ положенію: „невозможно допустить, чтобы Болоховскіе князья были выборными князьями; это противорѣчило бы всему историческому складу Русской государственной жизни; названіе князя и право занимать княжескій столъ принадлежали на Руси только членамъ Рюрикава потомства“. Эпизодъ вокняженія боярина Владислава въ Галичѣ Зотовъ считаетъ исключительнымъ фактомъ. По этому поводу можно бы замѣтить, что одно такое исключеніе не уничтожаетъ возможности и другого. И, дѣйствительно, потомъ видимъ занятіе Дорогичина лицомъ не княжескаго происхожденія, „держателемъ града“²⁾. Но оставимъ въ сторонѣ этотъ примѣръ и другіе, указанные выше (напр., вокняженіе Довмонта въ Псковѣ³⁾), и предложимъ еще вопросъ: точно ли Боло-

¹⁾ Ип. сл., 524.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Отмѣчу лишь слѣдующее замѣчаніе Зотова: „хотя подъ 1240 г. въ Волынской лѣтописи мы читаемъ: „Доброславъ же вокняжился бѣ и Судычѣ, поповъ внукъ“, по это извѣстіе не оправдывается дальнѣйшимъ изложеніемъ событій въ той же лѣтописи. Доброславъ, пользуясь отсутствіемъ Данила и тяжелымъ положеніемъ Галицкой земли послѣ опустошенія и разоренія ея Татарами, управляя ею отъ имени Данила, только раздавалъ произвольно волости и грабилъ землю вмѣстѣ съ другими боярами; о Судычѣ же далѣе вовсе не упоминается“. Неизвѣстно, какого еще оправданія выраженію лѣтописца о вокняженіи Доброслава и Судыча желалъ бы Зотовъ, если изъ всего разказа лѣтописи ясно полное распоряженіе Галицкою землею со стороны Доброслава до той поры, пока раздоръ его

хово XIII в. состояло лишь изъ земель, которыя передъ тѣмъ всецѣло подчинялись Рюриковичамъ, или же Болоховцы захватили только часть территоріи, входившей въ составъ Руси Рюриковичей, а другая, южная, часть Болохова XIII в. издавна не подчинялась послѣднимъ? Мы не знаемъ пока протяженія Болоховской земли на югъ и востокъ и потому не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ ни положительно, ни отрицательно съ такою рѣшительностію, какую обнаруживаетъ Зотовъ, который безъ всякихъ колебаній утверждаетъ, что „Болоховскіе князья удѣлы свои имѣли не въ Подоліи, а въ западной части Кіевской земли, въ верховьяхъ рѣкъ Тетерева, Случи, Буга и Рова“. Ограничусь указаніемъ на приведенные ранѣе факты употребленія названія князь помимо обозначенія имъ владѣтельнаго лица изъ рода Рюриковичей.

Въ связи съ послѣднимъ обстоятельствомъ весьма интересно, что Болоховскихъ князей было, повидимому, немало въ сравнительно небольшой Болоховской землѣ, и что лѣтопись обозначаетъ ихъ просто наименованіемъ Болоховскихъ, не называя ихъ даже по именамъ и отчествамъ, между тѣмъ какъ не преминула не разъ точно перечислять мятежныхъ галицкихъ бояръ, князей Ятвяжскихъ и т. п. Зотовъ наивно объясняетъ постоянное умолчаніе объ именахъ и отчествахъ Болоховскихъ князей тѣмъ, что „составителю лѣтописнаго Волинскаго свода, вообще не сочувствовавшему имъ, не была извѣстна ихъ генеалогія“. И это говорится о князьяхъ, которые, по словамъ самого Зотова, появились на историческую сцену въ 30-хъ годахъ XIII вѣка и вдобавокъ происходили отъ Игоревичей, столь хорошо извѣстныхъ юго-западу Руси и самому лѣтописцу! „Точно также, продолжаетъ Зотовъ, Волинская лѣтопись не называетъ ни по именамъ, ни по отчеству князей конца XIII вѣка, Пинскихъ и Туровскихъ и Заднѣпровскихъ“. Для надлежащей оцѣнки послѣдняго довода необходимо принять во вниманіе, что роль Пинскихъ, Туровскихъ и Заднѣпровскихъ князей совсѣмъ не соответствовала роли Бо-

съ другимъ сильнымъ бояриномъ, Григоріемъ Васильевичемъ, покушавшимся „горную страну Черемышльскую одержати“, не позволилъ Данилу схватить обоихъ противниковъ, когда они явились къ нему лично въ Волинскую землю. До того же времени Данилъ только „скорбяше и молишеся Богу о отчинѣ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и обладати ею“, и, такимъ образомъ, подтверждалось замѣчаніе лѣтописца, что „бояре Галичѣстни Данила княземъ собѣ называху, а самъ всю землю державу“. Ип., 526.

лоховскихъ въ исторіи Даниловыхъ земель, и что Пинскіе и Заднѣпровскіе князья были извѣстны галицко-волынскому лѣтописцу не только огульно, но и по именамъ, и были иногда и поименно называемы имъ¹⁾.

Далѣе, характерно, что Болоховскіе князья были въ полномъ согласіи со своею землею, лучше сказать—ихъ дѣло было дѣломъ и ихъ земли. Когда почему-то Болоховцамъ пришлось искать убѣжища въ Мазовіи²⁾, они явились туда вмѣстѣ со своими князьями. Черниговскіе князья и другіе Рюриковичи не выселялись бы такъ въ чужой край: они поступили бы, какъ вообще поступали Рюриковичи, которымъ не случилось въ какой-нибудь области,—удалились бы въ родной удѣлъ. Когда затѣмъ лѣтопись перестала упоминать о Болоховскихъ князьяхъ, какъ врагахъ Данила, Болоховцы все-таки оставались противниками послѣдняго; значить, и прежняя оппозиція Болоховскихъ князей Данилу Романовичу была сопротивленіемъ и самой земли.

Касательно молчанія лѣтописи о Болоховскихъ князьяхъ послѣ 1241 г. остается сдѣлать два предположенія: либо эти князья со-

¹⁾ См., напримѣръ, Ип., 616: „Преставися Пинский князь Юри сынъ Володимеровъ, ...и плакася по немъ... братъ его Демидъ князь... Тое же зимы преставися Стеланьский князь Иванъ сынъ Глѣбовъ...“. См. даже на той самой страницѣ (576-й), на которую ссылается Зотовъ: „...не притягль... ни Романъ, ни Глѣбъ, тии князи Заднѣпрѣсци, но токмо одинъ Олегъ, сынъ Романовъ притягль...“ и. т. п.

²⁾ Должно сказать, впрочемъ, что фактъ вторженія Болоховскихъ князей въ Мазовецкую землю изложенъ лѣтописью довольно неясно. Кажется, Болоховцы надѣялись укрыться въ Мазовіи, гдѣ были обширныя свободныя пространства, отъ какой-то грозы. Врядъ ли этой грозой были Татары, потому что съ послѣдними Болоховцы совсѣмъ поладили, какъ о томъ говоритъ лѣтопись. Развѣ предположить, что Болоховцы задумали искать крова въ Мазовіи, опасаясь Татаръ, еще до вступленія въ переговоры съ ними? Лѣтопись не позволяетъ думать, что Болоховцы вздумали бѣжать въ болота и лѣса Мазовіи, спасаясь отъ разоренія своей земли Даниломъ, потому что говоритъ объ этомъ разореніи, какъ о наказаніи за неблагодарность Болоховцевъ, проявленную ими не взирая на то, что Данилъ „князь ихъ из(ъ)я отъ руку Болеславу князя Мазовьского“ (Ип., стр. 527). Возникаетъ еще вопросъ, почему Болоховцы искали убѣжища не въ Придунайскихъ земляхъ и не гдѣ-нибудь въ Южной Руси, а у Данилова пріятеля, Болеслава, и безъ его вѣдома? Все это неясно. Не былъ ли то просто набѣгъ на Мазовію, или же это случилось во время совмѣстнаго съ Романовичами (?) похода на Ятвяговъ, какъ думаетъ А. С. Петрушевичъ? Во всякомъ случаѣ произошло это событіе между 1234 и 1241 гг. по „Ип. сп.“. См. „Болох. з.“, прим. 3. Болеславъ владѣлъ еще при жизни отца, Конрада, сначала Сандомиромъ, а потомъ, по утратѣ его, Мазовіею. Умеръ онъ не позже 1248 года (въ Ип. сп. о томъ подъ 1251 г.—стр. 537).

всѣмъ почему-то исчезли изъ своей земли, продолжавшей заявлять непокорство Даніилу, либо настолько не выдѣлялись изъ массы населенія, что лѣтописецъ не считалъ даже нужнымъ упоминать о князьяхъ въ частности, говоря о дальнейшей борьбѣ, и называлъ просто Болеховцевъ—насколько роль князей ихъ сливалась съ общиннымъ движеніемъ и строемъ всей земли¹⁾. И то и другое истолкованіе молчанія лѣтописца равно многозначительно при сохраненіи имъ извѣстій о продолженіи Болеховцами борьбы противъ Даніила.

Зотовъ не вникаетъ во всѣ только что изложенныя соображенія, намѣченныя и въ монографіи о Болеховской землѣ, и на основаніи выше разсмотрѣнныхъ общихъ соображеній полагаетъ, что „Болеховскіе князья не были ни потомками туземныхъ князей, ни выборными князьями, ни вокняжившимися боярами, а потомками Рюрика“.

„Если князья Болеховскіе—Рюриковичи, продолжаетъ Зотовъ, то они могли быть потомками только Игоря Святославича сѣверскаго, именно изъ племени Галицкихъ Игоревичей“. Затѣмъ слѣдуетъ аргументація, представляющая въ сущности видоизмѣненіе и развитіе домысловъ г. Квашнина-Самарина, изложенныхъ въ его статьѣ „По поводу Любецкаго синодика“ Зотовъ при этомъ упустилъ изъ виду тѣ опроверженія, которыя я выдвинулъ противъ этихъ домысловъ въ засѣданіи III Археологическаго Съѣзда 12 августа 1874 г., когда г. Квашнинъ-Самаринъ выступилъ съ возраженіями противъ моего реферата о Болеховской землѣ²⁾. Приглашая читателей обратиться къ

¹⁾ Если бы то было такъ, то строй Болеховской земли напоминалъ бы нѣсколько строй Алапіа, какъ послѣдняя описана Юліаномъ: въ этой странѣ, населенной язычниками и христіанами, каждое поселеніе имѣло собственное управленіе.

²⁾ См. протоколъ того засѣданія въ I-мъ т. Трудовъ третьяго археологическаго съѣзда. Въ дополненіе къ сказанному тамъ замѣчу, что Всеволодъ Чермный, по гипотезѣ о происхожденіи Болеховскихъ князей отъ Черниговскихъ Рюриковичей, надѣлившій сыновей Игоревичей удѣлами въ Болеховѣ послѣ катастрофы съ Игоревичами въ Галицкой землѣ, выгналъ Мономаховичей изъ Кіевской земли въ 1214 году, но *въ томъ же году* Мстиславъ Романовичъ Смоленскій съ союзниками изгналъ Всеволода изъ Кіева и занималъ Кіевскій столъ до своей смерти въ Калкской битвѣ. См. П. В. Голубовскаго, „Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія“, стр. 282. Должны были при этомъ лишиться удѣловъ въ Кіевской землѣ и остальные Ольговичи. Съ этимъ согласуются такіе факты, какъ тотъ, что въ Кіевской землѣ послѣ Галицкой катастрофы жилъ и умеръ (въ 1218 или 1219 г.) князь Смоленской вѣтви Константинъ Давидовичъ (см. II. с. р. л., VII, 125) и тамъ же умеръ въ 1218 г. Ростиславъ Михайл. Рюриковичъ. (Ср. у Грушевскаго: „Оч. ист. Кіев. земли“, стр. 274--275.

протоколу того засѣданія, я разберу здѣсь кратко доводы, которые выдвинуты Зотовымъ по поводу нѣкоторыхъ изъ моихъ замѣчаній, вошедшихъ въ самый мой рефератъ и направленныхъ противъ доказательствъ г. Квашнина-Самарина.

Зотовъ обращаетъ вниманіе на то, „что когда Ольговичи стремились овладѣть галицкимъ столомъ, Болоховскіе князья тоже имѣли какое-то тяготѣніе къ Галичу, постоянно держались Ольговичей и старались вредить Даніилу Романовичу. Такъ могли дѣйствовать только князья, близкіе къ Ольговичамъ“. По поводу моего указанія на два случая, когда Болоховскіе князья не помогали Черниговскимъ, Зотовъ замѣчаетъ, что тогда однако „они не дѣйствовали и противъ Черниговскихъ князей“. Но можно спросить, зачѣмъ было Болоховцамъ дѣйствовать противъ Черниговскихъ князей, если послѣдніе были ихъ союзниками и врагами Даніила, котораго считали своимъ главнымъ противникомъ и Болоховцы? Даніиль стремился къ объединенію южной Руси подъ своею властью, а Черниговскіе князья не могли быть опасны Болоховцамъ, потому что не имѣли притязанія на подчиненіе всѣхъ южнорусскихъ князей. Отмѣчу еще, что Болоховцы отсутствовали въ покушеніи одного изъ Черниговскихъ князей, Феодора, овладѣть Галичемъ въ 1255 г. по галицко-волинской лѣтописи. Напрасно Зотовъ утверждаетъ, что Болоховскіе князья, происходившіе, по его мнѣнію, изъ Черниговской вѣтви и сидѣвшіе въ Киевскихъ удѣлахъ, могли не принимать участія въ распряхъ за Киевскій столъ, которыя были возбуждаемы Черниговскими князьями: Болоховскіе князья-де „были слишкомъ мелки для того, слишкомъ незначительны и дѣйствовали съ Ольговичами только противъ Галича, которымъ они (?) желали овладѣть“. Обычныя нормы междукняжескихъ отношеній врядъ ли подтверждаютъ это объясненіе Зотова. Если въ борьбѣ, которая велась въ южной Руси въ первой половинѣ XIII в., не разъ принимали участіе самыя мелкіе князья, то почему бы и Болоховскимъ князьямъ не поддерживать своихъ родичей въ притязаніяхъ на Киевскій столъ? Участіе Болоховцевъ въ борьбѣ за этотъ столъ было бы тѣмъ умѣстнѣе, что Даніиль заявлялъ претензіи на участіе и въ дѣлахъ Киевской земли и даже овладѣлъ Киевомъ передъ татарскимъ нашествіемъ. По установившемуся порядку, занявъ Киевскій столъ, Даніиль могъ изгнать изъ Киевскихъ удѣловъ и Болоховскихъ князей, если они сидѣли въ этихъ удѣлахъ, и отдать послѣдніе своимъ сторонникамъ. Впрочемъ, Зотовъ самъ противорѣчитъ

только что разсмотрѣнному соображенію относительно вмѣшательства Болоховскихъ князей въ усобицы, происходившія въ Кіевской землѣ, потому что въ другомъ мѣстѣ своей книги¹⁾ говоритъ объ участіи Изяслава Владимировича, будто бы Болоховскаго князя, въ борьбѣ, имѣвшей отношеніе къ Кіеву.

Зотовъ указываетъ и поименно, кого изъ Игоревичей надо зачислить въ Болоховскіе князья. „Въ Болоховскихъ князьяхъ, упоминаемыхъ въ Волынской лѣтописи, мы видимъ, говоритъ онъ, сыновей и внуковъ Владиміра, Олега и Ростислава Игоревичей“. При этомъ въ построеніяхъ Зотова играютъ видную роль выраженія: „вѣроятно“, „могли“ и т. п., т. е. такіе доводы, противъ которыхъ можно выдвигать съ не меньшимъ правомъ и прямо противоположные, въ родѣ того, что могло такъ и не быть.

Разсмотримъ частныя указанія Зотова касательно принадлежности сыновей и внуковъ Игоревичей къ Болоховскимъ князьямъ.

На первомъ мѣстѣ поставлено Зотовымъ потомство перваго изъ Игоревичей, Владиміра Игоревича: „Изяславъ-Филиппъ Владимировичъ (по Любецкому синодику № 26), Всеволодъ-Симеонъ Владимировичъ (№ 29) и сынъ послѣдняго Святославъ-Феодоръ Всеволодовичъ (№ 29)“.

Изяслава Владимировича Зотовъ считаетъ одновременно²⁾ и княземъ Новгородъ-Сѣверскимъ и Болоховскимъ! Самъ Зотовъ приводитъ³⁾ факты, свидѣтельствующіе, что этотъ Изяславъ въ годы, когда въ галицко-волынской лѣтописи выступаютъ Болоховскіе князья, отсутствовалъ изъ Болохова и пребывалъ (въ 1233—36 гг.) въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Кіевѣ и Кіевской землѣ. Въ галицко-волынской лѣтописи, сообщающей подъ 1235 г., что подъ Даниловымъ городомъ Каменцемъ „*вси* князи Болоховьсции изоимани быша; и приведоша е Володимѣръ ко княю Данилови“, тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ выступаетъ Изяславъ, какъ лицо, отдѣльное отъ этихъ князей и лишь вступившееся за нихъ подобно Михаилу, который также не былъ княземъ Болоховскимъ; „лѣту же наставшу, нача посылати Михаилъ и Изяславъ, грозяча: дай нашу братью, или придемъ на тя войною“. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе военныхъ дѣйствій, при чемъ

¹⁾ См. стр. 77.

²⁾ Стр. 78, 228, 282 и стр. 16 Указателя.

³⁾ Стр. 282.

Изяславъ приводить, какъ то дѣлалъ уже не разъ, Половцевъ на Данила ¹⁾. Изъ этого эпизода не видно, чтобы лѣтописецъ признавалъ Изяслава княземъ Болоховскимъ. Во время татарскаго нашествія Изяславъ сидѣлъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ Квашнина-Самарина и Зотова, въ Каменцѣ ²⁾,—городѣ, опять принадлежавшемъ, какъ сейчасъ мы видѣли, Данилу; слѣдовательно, не въ Болоховской землѣ, а въ Волынской. Такимъ образомъ, и тогда Изяславъ былъ внѣ Болоховскихъ княжествъ. Ни разу также не видимъ Изяслава дѣйствующимъ совмѣстно съ Болоховскими князьями, и, какъ было сказано, онъ лишь ходатайствовалъ однажды объ освобожденіи ихъ Даниломъ. Мало того: Галицко-Волынская лѣтопись однажды прямо называетъ Изяслава „Новгородскимъ“ ³⁾, т. е. Новгородъ-Сѣверскимъ. Изъ всего этого достаточно, кажется, ясно, какъ произвольно включеніе Изяслава въ число Болоховскихъ князей. Оставляю уже въ сторонѣ тѣ не опровергнутыя сомнѣнія, которыя были высказываемы нѣкоторыми учеными касательно принадлежности къ Черниговскимъ князьямъ Изяслава, выступающаго въ только что изложенныхъ событіяхъ ⁴⁾: если бы эти сомнѣнія оправдались, то получилось бы еще болѣе убѣдительное опроверженіе гипотезы г. Квашнина-Самарина и Зотова.

Братъ Изяслава, Симеонъ-Всеволодъ Владимировичъ, названъ въ Любецкомъ синодикѣ не Болоховскимъ княземъ, а Черниговскимъ. Я указывалъ уже на такое обозначеніе, какъ на свидѣтельство о пребываніи въ Черниговѣ лица, къ которому прилагается ⁵⁾. Во вся-

¹⁾ Ип., 516. По мнѣнію П. В. Голубовскаго, Изяславъ „со времени пораженія его отца въ Галичѣ, кажется, жилъ въ Половецкой землѣ“.

²⁾ Ib., 523: (Батый) „приде Каменцю, Изяславию, взять я“. Въ виду я, правильно не относить „Изяславию“ къ „Каменцю“ и считать это слово именемъ отдѣльнаго города (теперь Заславль). Каменецъ передъ татарскимъ нашествіемъ не принадлежалъ Изяславу (Ип., 521).

³⁾ Ип., 517. Нѣкоторые, впрочемъ, сомнѣваются въ томъ, чтобы то былъ Изяславъ Владимировичъ, и предполагаютъ, что въ этомъ мѣстѣ лѣтописи рѣчь идетъ о Новгородкѣ Литовскомъ, который впрочемъ, оказывается 20 лѣтъ спустя во власти Литвы (Ип., 549), и объ Изяславѣ, являющемся потомъ (Ип., 551) княземъ Свислочскимъ.

⁴⁾ Иные ученые готовы считать на основаніи лѣтописей Изяслава, о которомъ говоритъ Галицко-Волынская лѣтопись съ 1233 г., не Владимировичемъ, а Мстиславичемъ. „Мстиславичемъ“ называетъ его и родословная книга: „Временникъ Импер. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, кн. X, М., 1851, стр. 13.

⁵⁾ Зотовъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 87) также, повидимому, готовъ былъ считать эпитетъ „Черниговскій“ устранивающимъ принадлежность къ Болоховскимъ князьямъ.

комъ случаѣ причисленіе этого князя къ Болоховскимъ—дѣло произвола фантазіи.

Сыномъ Симеона-Всеволода Владимировича и вмѣстѣ Болоховскимъ княземъ Зотовъ вслѣдъ за г. Квашнинымъ-Самаринымъ готовъ считать Святослава-Феодора, о которомъ галицко-волинская лѣтопись подъ 1255 г. говоритъ, какъ о сподвижникѣ Изяслава въ покушеніи овладѣть Галичемъ.—Обозначеніе этого Феодора въ Любецкомъ синодикѣ, какъ „убіеннаго отъ Литвы“, указываетъ на жительство его вѣроятно въ Черниговщинѣ. чѣмъ въ землѣ Болоховской, которая послѣ 1255 г. могла менѣе подвергаться Литовскимъ набѣгамъ, чѣмъ земли Черниговскія¹⁾. Напомню также сдѣланное мною въ 1874 г. возраженіе г. Квашнину-Самарину, при чемъ не нахожу основаній отвергать указаніе на Феодора-Мстислава Глѣбовича, который и ранѣе боролся съ Даниломъ²⁾. Какъ бы то ни было, если Феодоръ 1255 г. по галицко-волинской лѣтописи—Всеволодовичъ, то онъ врядъ ли княжилъ въ Болоховѣ, потому что отецъ его названъ въ Любецкомъ синодикѣ княземъ Черниговскимъ.

„По всей вѣроятности (sic), говоритъ далѣе Зотовъ, было также потомство у Олега-Павла Игоревича и у Ростислава Игоревича Дѣти и внуки двухъ послѣднихъ князей, также какъ и дѣти и внуки Владимира Игоревича, по нашему мнѣнію, имѣли удѣлы въ Болоховской землѣ“. Доказательствъ при этомъ нѣтъ никакихъ; не указано даже, какое было потомство у Ростислава Игоревича, а говорится только³⁾: „у Владимира, Романа и Святослава Игоревичей были потомки; вѣроятно (sic), они были и у другихъ братьевъ ихъ, Олега и Ростислава“.

Мы должны, такимъ образомъ, вѣрить на слово „мнѣнію“ автора. Къ сожалѣнію, имѣемъ полное право и не вѣрить, не желая опираться на однѣ лишь возможности. Олегъ Игоревичъ даже не принималъ

¹⁾ Послѣ примиренія Данила съ Литвою (Ип., 551), миръ со стороны послѣдней, за исключеніемъ случая грабежа около Луцка (Ип., 556), не былъ нарушаемъ въ юго-западной Руси до княженія Тройдена (Ип., 575). Земля же Черниговская, повидимому, неоднократно страдала отъ Литовскихъ набѣговъ (Ип., 556 - 557: „Хвалъ... велико уб(и)йство творяше землѣ Черниговской...“ Ип., 568: „Послалъ бѣшеть Миндовгъ всю свою силу за Двѣпръ на Романа на Брявского князя...“).

²⁾ См. Милорадовича, „Любечъ“, М., 1871, стр. 34.

³⁾ Стр. 161 - 162.

участія въ дѣлахъ юго-западной Руси¹⁾, княжилъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, и, слѣдовательно, и его потомству не было никакого основанія переселяться на юго-западъ²⁾. О потомствѣ младшаго изъ Игоревичей, Ростислава, намъ *ничего неизвѣстно*, и гадать о немъ — также дѣло произвола, тѣмъ болѣе, что и годъ рожденія Ростислава неизвѣстенъ и, во всякомъ случаѣ, послѣдній умеръ самое большее — 32 лѣтъ. Въ концѣ и самъ Зотовъ говоритъ³⁾: „Эта вѣтвь сомнительна, такъ какъ *происхожденіе Болоховскихъ князей въ точности неизвѣстно*“.

Равнымъ образомъ на стр. 229 Зотовъ отказывается опредѣлить въ точности, отъ котораго именно изъ Игоревичей произошли эти князья, „такъ что все, что мы можемъ сказать относительно происхожденія Болоховскихъ князей,—это только то, что они потомки галицкихъ Игоревичей“.

Что до замѣчанія Зотова, что „имѣются 55 князей и княгинь Кіевскаго синодика, въ числѣ которыхъ, можетъ быть, упоминаются и Болоховскіе князья, потомки Игоревичей“, то на этомъ „можетъ быть“ не стоитъ и останавливаться.

Итакъ, мы видимъ, что пребываніе въ Болоховѣ сыновей старшаго изъ Игоревичей, Владимира, прямо не подтверждается лѣтописями и Любецкимъ синодикомъ. Были ли сыновья у Олега Игоревича, достовѣрно неизвѣстно. Сыновья двухъ слѣдующихъ Игоревичей, Романа и Святослава, сидѣли, по синодику, на которомъ основываетъ свои домыслы Зотовъ, въ Путивлѣ и Курскѣ, а о потомствѣ Ростислава нѣтъ никакихъ упоминаній въ лѣтописяхъ.

Какъ относительно князей, названныхъ въ Любецкомъ синодикѣ, такъ и относительно упомянутыхъ въ Курскомъ, рѣшающимъ обстоятельствомъ является то, что ни одинъ изъ нихъ не названъ Болоховскимъ. Замѣчательно также, что вообще нигдѣ нѣтъ слѣдовъ такого наименованія этихъ предполагаемыхъ Болоховскихъ князей. По мнѣнію Зотова⁴⁾, „вѣроятно вскорѣ послѣ 1257 г. Болоховскіе князья прекратились, вымерли, если не сдѣлались князьями другихъ удѣловъ

¹⁾ *Полудинъ*, „Исслѣдованія“, VI, 198.

²⁾ Самъ Зотовъ, стр. 111, приводитъ свѣдѣніе о князѣ Димитріи Ольговичѣ *Курскомъ*.

³⁾ Стр. 227.

⁴⁾ Стр. 164 и 231.

въ своей Сѣверской землѣ“; эта вѣтвь должна была прекратиться не позже какъ въ XII колѣнѣ Рюриковичей. Странное прекращеніе или бесплодное исчезновеніе этихъ, повидимому, многочисленныхъ князей!

Итакъ, разсмотрѣнное построеніе генеалогіи Болоховскихъ князей не обосновано надлежаще. Но, несмотря на всю его фантастичность, оно встрѣтило одобреніе со стороны г. Любавскаго. Разбирая изслѣдованіе И. М. Каманина о началѣ южнорусскаго козачества, онъ счелъ нужнымъ вскользь коснуться и выводовъ монографіи о Болоховцахъ, на которую ссылается г. Каманинъ.

Г. Любавскій съ замѣчательною аподиктичностью тона заявилъ, что „мнѣніе изслѣдователей русской исторіи, видѣвшихъ въ Болоховскихъ князьяхъ Ольговичей, документально подтверждено изысканіями Зотова“¹⁾.

Что это за документальное подтвержденіе, сейчасъ можно было видѣть, и уже изъ такого отзыва г. Любавскаго можно усмотрѣть, насколько компетентнымъ изслѣдователемъ является онъ въ занимающемъ насъ здѣсь вопросѣ.

Тѣмъ не менѣе я признаю не лишнимъ остановить вниманіе читателей на замѣчаніяхъ г. Любавскаго о Болоховской землѣ, потому что, не представляя какихъ-нибудь новыхъ цѣнныхъ соображеній и наблюденій, они являются интереснымъ образчикомъ тенденціозныхъ приемовъ, благодаря которымъ дѣлается, употребляя выраженіе самого г. Любавскаго о г. Каманинѣ, „нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ назадъ“. Разсмотрѣніе ихъ тѣмъ умѣстнѣе, что критика г. Любавскаго была прочитана, не вызвавъ возраженій, въ засѣданіи Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ²⁾ и явилась на страницахъ такого серьезнаго научнаго органа, какъ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

¹⁾ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1895, № 7. „Начальная исторія малорусскаго козачества“ (ред. на соч. И. М. Каманина: „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго“, К., 1894), стр. 226.

²⁾ „Чтевія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ“, 1896, кн. IV, Протоколы, стр. 23—25.

III.

Общинное движеніе на южнорусской окраинѣ XIII в.

Въ немногихъ строкахъ, удѣленныхъ выводамъ монографіи о Болоховской землѣ, г. Любавскій показалъ, какъ онъ внимательно читаетъ и какъ основательно и эрудиціонно толкуетъ источники, на которые ссылается для вящаго подкрѣпленія своихъ рѣшительныхъ и рѣзкихъ приговоровъ, а равно и сколь тщательно вникаетъ въ разбираемыя мнѣнія, или передаетъ ихъ.

„Мнѣніе о томъ, что Болоховскіе князья—выборные люди общинъ, говоритъ г. Любавскій, голое предположеніе, оправданіе которому можно найти только въ неправильномъ пониманіи лѣтописи. Въ самомъ дѣлѣ, какое основаніе было, помимо разныхъ общихъ соображеній, считать Болоховскихъ князей выборными? Слова князя Даниіла Романовича, заступившагося за Болоховскихъ князей передъ Болеславомъ Мазовецкимъ, который хотѣлъ пограбить ихъ, когда они безъ спроса вошли въ его землю. Даниілъ говоритъ: „не суть вои твои, но суть особнии князи“. Смыслъ фразы понятенъ: не обходись такъ безцеремонно; вѣдь это не твои воины, а чужіе князья. Но г. Д. перевелъ слово „особнии“ словомъ „особенные“, т. е. не обыкновенные князья, какъ всѣ, а другого совѣмъ рода, т. е. выборные. Но если это были не настоящіе князья, а мужицкіе выборные, тѣмъ менѣе было побужденій церемониться съ ними“.

Приведенныя строки разбора г. Любавскаго содержатъ изумительное искаженіе и перетолкованіе подлиннаго текста работы о Болоховской землѣ. Въ этой монографіи, во-первыхъ, не было высказано съ рѣшительностію и исключительностію мнѣніе о выборности Болоховскихъ князей¹⁾ и, во 2-хъ, соображеніе объ „особен-

¹⁾ См стр. 33 монографіи „Болох. земля“: „Остается предположить, что это были или лица туземныхъ княжескихъ родовъ, удѣлѣвшихъ отъ до-государственной старины, какъ думалъ въ послѣднее время Н. И. Косогомаровъ, или же это были „лучшии мужи“ мѣстнаго населенія, провозглашавшаго ихъ князьями для того, чтобы имѣть кого выставить въ противовѣсъ дому Владиміра св.... О внутренней жизни Болоховской земли мы почти не имѣемъ никакихъ извѣстій и потому не можемъ съ рѣшительностію утверждать, что къ XIII-му столѣтію въ ней не было уже и слѣда старинныхъ княжескихъ родовъ“. Само собою разумѣется, что въ той монографіи подъ Болоховскими общинами XIII в. разумѣлись, конечно, не „мужицкія“ общины, а прежде всего городскія.

ности рода“ Болоховскихъ князей, т. е. о непринадлежности ихъ къ дому Владимира¹⁾, было основано совѣмъ не на тѣхъ словахъ лѣтописи, неправильное истолкованіе которыхъ приписано автору г. Любавскимъ²⁾. Да и слова эти не усвоились Даниилу, вопреки лѣтописи, которую, разбирая приведенныя слова, г. Любавскій врядъ ли внимательно читалъ. По крайней мѣрѣ, въ лѣтописи дѣло изложено не такъ: слова, смыслъ которыхъ разъясняетъ намъ г. Любавскій, были произнесены не Данииломъ, какъ утверждаетъ г. Любавскій, а Мазовецкимъ княземъ³⁾. Наконецъ, и *толкованіе этихъ словъ*, въ томъ смыслѣ, что Болоховскіе князья—„особенные“, т. е. не обыкновенные князья, какъ всѣ, а другого совѣмъ рода, приписанное автору монографіи о Болоховской землѣ, не было, напротивъ, предлагаемо послѣднимъ⁴⁾, а рекомендуется приблизительно въ такомъ видѣ тѣмъ самымъ писателемъ, „документальность“ котораго одобряетъ г. Любавскій, т. е. Зотовымъ⁵⁾. Въ монографіи же о Болоховской землѣ дано именно то объясненіе словъ Мазовецкаго князя, какое одобряетъ и г. Любавскій.

Очевидно, г. Любавскій не считъ нужнымъ правильно изложить разбираемое имъ мнѣніе и предпочелъ передать такъ, какъ было

¹⁾ „Болох. земля“, стр. 30: „Лѣтопись нигдѣ не намекаетъ на связь Болоховскихъ князей съ какою-нибудь вѣтвью дома Владимира св. Напротивъ, все заставляетъ думать объ особенностяхъ этого рода“.

²⁾ Былъ указанъ рядъ другихъ фактовъ, приводящихъ къ этому мнѣнію, каковы: своеобразный способъ обозначенія Болоховскихъ князей лѣтописцемъ, особое отношеніе ихъ къ татарамъ, многочисленность, сліяніе со своей землей, независимость отъ Кіева и т. п.; см. „Болох. зем.“, стр. 30—34.

³⁾ Ип., 527: Даниилъ „князь ихъ из(ъ)я отъ руку Болеславу князя Мазовскаго, рекшу Болеславу: „почто суть вошли во землю мою, яко не вдахъ имъ?“ рекый „не суть вои твои, но суть особнии князи“, и хоташе разграбити е; они же обѣщашася работѣ быти; онемъ же молящимся, Данилъ же и Василко за нѣ хотя съ нимъ брань створити...“. „Рекый“ относится, по смыслу, къ Даниилу, и въ лѣтописяхъ есть и другіе примѣры такихъ сочетаній.

⁴⁾ Болох. з.“, стр. 2, прим. 3: Болеславъ „ссылался на неподвѣдомственность ихъ Даниилу“; стр. 22, прим. 67: „Болеславъ Мазовецкій прямо указываетъ на ихъ независимость“; стр. 31 и прим. 108: „въ то время, когда Болоховскіе князья давали обѣщаніе повиноваться Даниилу, они, по словамъ Мазовецкаго князя были не вои Даниловы, но „особнии князи““.

⁵⁾ См. выше 3-й аргументъ Зотова, который отрицалъ лишь выборность Болоховскихъ князей: „Это выраженіе „особнии князи“ только показываетъ, что Болоховскіе князья явились на историческую сцену по особеннымъ обстоятельствамъ, были князьями особыхъ, для извѣстной цѣли созданныхъ удѣловъ, или если не созданныхъ, то образовавшихся вслѣдствіе особыхъ причинъ“.

удобнѣе для тенденціознаго опроверженія въ легкомъ набѣгѣ путемъ иронизированія надъ ненаучными будто бы приѣмами. Отъ разбора же дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ, подобранныхъ посредствомъ извращенія основаній для гипотезы, высказанной въ монографіи о Болоховской землѣ, критикъ уклонился, высокомѣрно прикрывая свое отступление слѣдующею, образцовою по чрезмѣрной развязности тона, тирадою. „Мы не будемъ вдаваться въ критику общихъ соображеній г. Д. по поводу этихъ яко бы выборныхъ князей. О Болоховцахъ и безъ того уже наговорено болѣе чѣмъ достаточно въ исторической литературѣ“¹⁾.

Знакомые съ вопросами, связанными съ выясненіемъ извѣстій летописи о Болоховцахъ, напр. съ вопросами объ этническомъ составѣ и южныхъ границахъ Русскихъ княжествъ въ XII и XIII вв., объ украинскихъ Русскихъ земляхъ и о населеніи Черноморскихъ степей, объ отношеніи этихъ земель къ Половцамъ и Татарамъ, о Румынской колонизаціи на Русской территоріи, объ общественномъ строѣ Русскихъ земель, подпавшихъ непосредственной власти Татаръ и тому под., могутъ судить, насколько научно и достойно просвѣщеннаго и серьезнаго историка признаніе ненужными дальнѣйшихъ разысканій касательно Болоховцевъ. Равнымъ образомъ остается просить читателей обратиться къ самой монографіи о Болоховской землѣ для провѣрки повстинѣ „общаго“ утвержденія г. Любавскаго о томъ, что соображенія о Болоховскихъ князьяхъ, высказанныя въ той монографіи, „обща“. Было бы утомительно повторять здѣсь эти соображенія, отчасти вновь изложенныя на предыдущихъ страницахъ.

Гораздо интереснѣе ознакомить читателей еще съ однимъ мѣстомъ критики г. Любавскаго, именно по вопросу „объ автономныхъ общинахъ, которыя возникли подъ властью Татаръ“.

Та невнимательность въ чтеніи источниковъ и изученіи вопроса и непринужденность тона, которою могъ изумить г. Любавскій въ приведенныхъ выше разсужденіяхъ, раскроется и въ строкахъ, къ разбору которыхъ приступаю.

По словамъ г. Любавскаго²⁾, „несомнѣнно, что часть южно-русскаго населенія добровольно подчинилась Татарамъ, чтобы спа-

¹⁾ Стр. 225—226.

²⁾ Стр. 229.

стись отъ истребленія. Таковы были Болоховцы и жители нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ ними городовъ. По инстинкту самосохраненія эти жители на первыхъ порахъ крѣпко держались Татаръ, чѣмъ и навлекли на себя нападеніе князя Данила Романовича Галицкаго. Болоховцы, кромѣ того, ненавистны были Данилу тѣмъ, что помогали его врагамъ въ Галичѣ¹.

Въ этихъ немногихъ строкахъ находимъ цѣлый рядъ неточностей. Г. Любавскій, очевидно, разумѣетъ въ приведенномъ мѣстѣ нападеніе Данила на Болоховскую землю, описанное въ Галицко-Волынской лѣтописи подъ 1241 г.: о послѣдующемъ моментѣ движенія, враждебнаго Данилу и охватившаго и „позднѣйшее Подолье“, говорится у г. Любавскаго нѣсколькими строками ниже¹). Въ лѣтописи же подъ 1241 г. не упомянуто объ оппозиціи Данилу „нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ Болоховцами городовъ“. Г. Любавскій разумѣетъ въ этихъ словахъ, вѣроятно, Бѣлобережье, Чернятинцевъ, жителей Межибожья, Городка, Сѣмоця, „и всѣхъ городовъ, сѣдящихъ за Татары, Городеска и по Тетереви до Жедечева“ и, наконецъ, Възвьяглянъ. Но, во 1-хъ, обо всѣхъ этихъ союзникахъ Болоховцевъ лѣтопись говоритъ уже подъ 1257 и 1258 гг., и, слѣдовательно, нельзя сказать, что они только „на первыхъ порахъ крѣпко держались Татаръ“ (въ то время отъ Татарскаго нашествія прошло уже 16 лѣтъ); а, во 2-хъ, въ ряду перечисленныхъ подъ 1257 г. противниковъ Данила были не только жители „сосѣднихъ съ Болоховцами городовъ“. Ничто не даетъ намъ права считать Бѣлобережье городомъ, а не особою мѣстностью; были ли Чернятинцы жители *города* Чернятина и его округа, а не жители цѣлой мѣстности Чернятина²), мы также не знаемъ. Неизвѣстно точно и мѣсто нахождения Бѣлобережья, Чернятина, Городка, Сѣмоця³), и потому трудно говорить съ рѣшительностью о томъ, что жители всѣхъ этихъ мѣстностей были сосѣдями Болоховцевъ. Можетъ быть, ближайшими сосѣдами послѣднихъ были не всѣ изъ перечисленныхъ лѣтописью участниковъ Болоховскаго движенія: упоминаніе о Побожѣ, а также о Бакотѣ, о которой бу-

¹) Эти строки будутъ приведены и рассмотрѣны ниже (стр. 55).

²) „Болоховъ“, отъ котораго получилъ наименованіе Болоховцы, также представлялъ собою не городъ, а цѣлую мѣстность; см. Ип., 555: „воевахуть людіе Давидови же и Василкови Болоховъ, а Лвови Побожье и люди татарскыя“; ср. Ип., 278: „Болохово“, и приведенные выше акты XVI в.

³) См. выше.

детъ сказано ниже. заставляетъ думать, что это движеніе росло постепенно и захватывало не только города, сосѣдніе съ Болоховымъ; оно передавалось изъ мѣстности. сосѣдней съ Болоховымъ, населенію, которое уже отдѣлялось первою отъ послѣдняго и т. д. Во всякомъ случаѣ, врядъ ли слѣдуетъ ограничиться выраженіемъ, что къ Болоховцамъ примкнули жители нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ ними городов: правильнѣе было бы сказать: вообще жители мѣстностей къ югу и востоку отъ Болохова и „Възвьягляне“¹⁾, а при самой крайней научной осторожности, слѣдовало бы выразиться: жители цѣлаго ряда мѣстностей, близкихъ и находившихся въ меньшемъ или большемъ отдаленіи отъ Болохова.

Такъ какъ, слѣдуя за утвержденіями г. Любавскаго, мы должны были, вышедши изъ рамокъ лѣтописнаго повѣствованія подь 1241 г., обратиться къ общему перечисленію всѣхъ мѣстностей, охваченныхъ движеніемъ, первый примѣръ котораго подали Болоховцы, то, чтобы покончить съ этимъ перечнемъ, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о крайнихъ, восточныхъ предѣлахъ этого движенія. Вслѣдъ за моногр. „Княж. Дан. Гал.“ г. Грушевскій въ „Оч. ист. Кіев. з.“ и въ позднѣйшей статьѣ призналъ распространеніе этого движенія и на югѣ Кіевской земли. По словамъ г. Любавскаго, „г. Грушевскій констатируетъ возникновеніе общинъ, подчинявшихся непосредственно Татарамъ, и на югѣ Кіевской земли, основываясь на словахъ Плато-Карпини: *Venimus ad villam Canouae, quae sub tartaris erat immediate*“, „но для насъ, говоритъ г. Любавскій, его доводы не представляются убѣдительными: Кіевъ, какъ онъ самъ признаетъ, принадлежалъ князю Александру Ярославичу, когда проѣзжалъ Плато-Карпини, а слѣдовательно и префекты, сидѣвшіе въ пригородахъ Кіевскихъ, были не кто иные, какъ княжескіе намѣстники. Выраженіе Плато-Карпини, отнесенное къ Каневу—*quae sub Tartaris erat immediate*“—мы понимаемъ въ смыслѣ обозначенія географической близости, а не непосредственной зависимости отъ Татаръ²⁾.

Разсужденія г. Любавскаго также „не представляются убѣдительными“. Князя въ Кіевѣ долго послѣ Татарскаго погрома не бы-

¹⁾ Хотя мѣстоположеніе Бѣлобережья, Чернятина, Городка, Сѣмоца, Жедечева не опредѣлено съ точностію, но они врядъ ли были расположены къ сѣверу и западу отъ Болохова: мы видѣли, что сѣверныя и западныя границы Болохова установлены точно.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1895, № 7, стр. 225 и 229.

вало, а былъ лишь его намѣстникъ. Въ Каневѣ и какомъ-то еще болѣе южномъ городѣ Кіевской земли упоминаются въ описаніи путешествія Плато-Карпини *praefecti*-и. То были, вѣроятно, старшины, признававшіе власть Татаръ, какимъ былъ Милѣй въ Бакотѣ. Но еслибы даже то были княжескіе тиуны, и это не устраняло бы подозрѣнія. Въ то смутное время южной Руси тиуны пограничныхъ городовъ, какимъ былъ и Каневъ, оказывались не разъ ненадежными опорами князя, которому принадлежалъ по праву тотъ или иной городъ. Достаточно указать на Милѣя въ Бакотѣ, Андрея въ Кременцѣ¹⁾. Слѣдовательно, разсматриваемое предположеніе не включаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Равно и поддерживаемое г. Грушевскимъ толкованіе выраженія Плато-Карпини правдоподобнѣе изъясненія, за которое стоитъ г. Любавскій, потому что изъ текста Плато-Карпини ясно, что Каневъ не былъ городомъ, находившимся непосредственно у пограничья съ Татарами, и татарская сторожевая стоянка находилась по крайней мѣрѣ на разстояніи двухъ перегоновъ отъ Канева²⁾.

Если сверхъ того принять во вниманіе, что Татары, повидимому, не разъ хозяйничали въ самомъ Кіевѣ во второй половинѣ XIII в. и въ первой XIV в.³⁾, и что князь Поросскій Юрій оказывается въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIII в. служилымъ княземъ Владиміръ-Волынскихъ князей⁴⁾, если, наконецъ, выраженіе лѣтописи подъ 1257 годомъ о „людяхъ татарскихъ“ отнести къ территоріи на востокъ отъ Побожья⁵⁾, то указанная гипотеза о томъ, что и въ При-

¹⁾ Ип., 550.

²⁾ Плато-Карпини получилъ отъ Каневского префекта лошадей и провожатыхъ до какого-то другого города; лишь префектъ послѣдняго проводилъ путниковъ „*usque ad primam custodiam Tartarorum*“.—По ту сторону Днѣпра Данила, вѣскольکو разѣ ѣхавшаго изъ Кіева въ ладѣ, татары всгрѣтили въ Переяславѣ (Ип., 535).

³⁾ Есть извѣстіе, что Новгородцы отговорили Александра Невского отъ поѣздки въ Кіевъ „татаръ ради“ (Татищевъ IV). Извѣстно, далѣе, что въ 1299 г. весь Кіевъ разбѣжался отъ „татарскаго насилья“, „а митрополитъ иде ко Бряньску, и оттолѣ иде въ Суждальскую землю“. Въ 1331 г. при Кіевскомъ князѣ Осодорѣ находился баскакъ. Постановленіе Константинопольскаго патріаршаго собора 1354 г. говоритъ о томъ, что Кіевъ сильно пострадалъ, между проч., „отъ страшнаго напора сосѣднихъ аламановъ“.

⁴⁾ Ип., 612.

⁵⁾ Лѣтописецъ видимо отличаетъ „Побожье“ отъ Болехова; такъ, б. м., отличалъ онъ и какихъ-то еще „людей татарскихъ“ отъ жителей Побожья въ извѣстїи о походѣ рати Льва. Отъ „людей татарскихъ“ также слѣдуетъ отличать „города, сѣдшия за татары“. Въ монографіи о Болеховской землѣ была высказана мысль о пе-

днѣпровѣ произошло послѣ Татарскаго нашествія подчиненіе Татарамъ, аналогичное тому, которое замѣчается на окраинахъ Галицко-Волынскихъ княжествъ и въ западной части Кіевской земли до Побожья включительно, становится довольно вѣроятною.

Конечно, она не подтверждена документально, и настаивать на ней не приходится, такъ что я не рѣшаюсь утверждать, что непосредственно Татарамъ подчинилась вся южнорусская Украина отъ Бакоты и истоковъ р. Бога до Днѣпра.

Но и безъ Приднѣпровья область, въ 50-хъ годахъ XIII в. ставшая въ непосредственную зависимость отъ Татаръ, оказывается, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, весьма значительною. Она начиналась въ южной части Галицкаго княжества¹⁾ и тянулась продольною полосою до Побожья, т. е. до окрестностей средняго Бога, включительно. На сѣверѣ она доходила, повидимому, до „лѣсной стороны“²⁾, до Возягля (нынѣшняго Новоградволынска) и до верховьевъ Тетерева включительно, и охватывала, такимъ образомъ, сѣверную часть обширнаго пространства, получившаго съ XIV в. названіе Подолья. Это названіе близко по смыслу къ лѣтописному наименованію XIII в. „Понизье“, но шире послѣдняго, потому что обозначало не только Поднѣстровье, составлявшее древнее Понизье.

.....

возможности протяженія Болохова XII и XIII вв. на востокъ до Прилука. Теперь я продолжаю настаивать на такой границѣ для Болохова XIII в. Въ виду извѣстія лѣтописи подъ 1257 г., если даже г. Божскій не стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Забужья и Кудиня, былъ крайнимъ гор. Болоховской земли на Богѣ, то и тогда подъ Побожьемъ XIII в. надо разумѣть пространство приблизительно къ юго-востоку отъ нынѣшней Кудинки. Отмѣчу еще, что въ XII стол. однимъ изъ окранныхъ пунктовъ Кіевской земли къ сѣверу отъ Прилука былъ гор. Растваецъ, теперешняя Бѣлиловка, на р. Раставицѣ, который, по мнѣнію П. Ф. Голубовскаго (Печенѣги, Турки и Половцы, стр. 11), „несомнѣнно былъ въ числѣ Черноклобуцкихъ городов“. См. еще „Slovník“, I. 191, указатель Новицкаго, 80. и въ особенности *Похиловича* Болоховъ, Губиня и Вицижъ, упоминаемые лѣтописями древніе русскіе города, К. 1883. О преданіи, рассказываемомъ въ Бѣлиловѣ, ср. *Русьна Гупка Padurru, Lwiv 1874, str. 365—367.*

¹⁾ Именно начинала съ Бакоты (Ил. 550), которая была какъ бы центромъ Понизья: Доброславъ, „въшедь во Бакоту все Понизье прия“. Объ отпаденіи Понизья къ татарамъ подробно говоритъ на основаніи анализа лѣтописныхъ извѣстій г. Молчановскій на стр. 148—153.

²⁾ Выраженіе „лѣсная страна“ находимъ въ описаніи событій, происшедшихъ незадолго до татарскаго нашествія: изъ Кіева „даніилъ хотяше изыти домови лѣстною страню“ (Ил., 515). „Подлѣсьемъ“ называлась въ XIII стол., повидимому, болѣе сѣверная мѣстность (Ил., 576: „Мьстиславъ... шель бяшетъ отъ Юпыла воюя по Подлѣсью“).

Возникаетъ вопросъ о побудительныхъ силахъ и смыслѣ движенія въ южной Руси, приведшаго къ тому, что въ ней оказался цѣлый рядъ „городовъ, сѣдланныхъ за Татары“, а жители болѣе южныхъ мѣстностей стали прямо именоваться „людьми Татарскими“.

Въ монографіи о Болоховской землѣ было указано на центробѣжность стремленій Болоховцевъ и всѣхъ, применившихъ къ нимъ, и на общинный строй, которымъ они замѣняли правленіе князей дома Владимира св.

Г. Любавскому весьма не нравится это объясненіе, и онъ опровергаетъ такой взглядъ на южнорусское движеніе XIII в. слѣдующимъ мимолетнымъ замѣчаніемъ.

Отъ добровольнаго подчиненія Татарамъ. „чтобы спастись отъ истребленія“, и отъ помощи врагамъ Даніла въ Галичѣ „еще далеко до враждебности княжескому строю, до стремленія къ устройству жизни на новыхъ, чисто общинныхъ началахъ. — Утвержденія, высказанныя на этотъ счетъ гг. Д. и Грушевскимъ, мы считаемъ простыми догадками, не имѣющими подъ собою никакой почвы въ историческихъ свидѣтельствахъ. Далѣе: несомнѣнно, что часть южнорусскаго населенія попала въ непосредственную зависимость отъ Татаръ. Таковы были жители городовъ, сосѣднихъ съ Болоховомъ, и жители позднѣйшаго Подолья.. Но если часть южнорусскаго населенія несомнѣнно попала въ непосредственную зависимость отъ Татаръ, отсюда не слѣдуетъ еще, что это населеніе было враждебно княжескому строю, что подъ сѣнью Татаръ оно исвало полной общинной автономіи. Подчиненіе Татарамъ могло состояться просто вслѣдствіе необходимости, внѣ какихъ-либо расчетовъ на большую общинную самостоятельность“.

Критикъ, такимъ образомъ, опять отдѣляется „общими“ замѣчаніями объ „инстинктѣ самосохраненія“ и о „необходимости“, но не показываетъ „документально“, фактами, насколько его объясненіе мотивовъ, усвояемыхъ имъ Болоховцамъ, „жителямъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ ними городовъ“ и „жителямъ позднѣйшаго Подолья“, согласно съ исторической дѣйствительностью.

И это не должно удивлять насъ, потому что и невозможно согласить объясненіе, предлагаемое г. Любавскимъ, съ дѣйствительностью.

Неизбѣжно возникаетъ слѣдующій вопросъ, ставимый этой дѣйствительностью: опасность „истребленія“ и „необходимость“ наибо-

лѣе удобнаго исхода представлялись не только Болоховцамъ и ихъ сосѣдямъ, но, не говоря уже о Руси сѣверовосточной, и другимъ жителямъ южной Руси, земель Черниговской, Кіевской, Волынской и Галицкой; отчего же однако послѣдніе предпочитали держаться своихъ князей и не вступали помимо ихъ въ особыя соглашенія съ Татарами? отчего лишь Болоховцы да ихъ „сосѣди“ не пожелали дѣлать общей участи большинства русскихъ земель, которыя поддались ей также въ силу той же „необходимости“, каковой подпали и Болоховцы и ихъ сосѣди?

Во время Татарскаго нашествія одни изъ жителей и князей южной Руси отчаянно защищаются противъ несмѣтнаго полчища „безбожныхъ Измаильтянъ“, „нечестивыхъ Агарянъ“¹⁾, и гибнутъ славною смертью въ геройской борьбѣ (Козляне, Кіевляне и иные), а другіе бѣгутъ въ лѣса, горы и за предѣлы отечества²⁾. Только Болоховцы остаются на мѣстѣ и вступаютъ въ договоръ съ „иноплеменными языками, безбожными, погаными“³⁾, въ силу котораго „оставили ихъ Татарове, да имъ орютъ пшеницю и просо“.

Послѣ нашествія князья отправляются въ орду и тамъ, изъявляя покорность, получаютъ уже изъ рукъ Татаръ власть надъ своими землями, а населеніе подчиняется водительство князей и „необходимости“ вносить дань, налагаемую побѣдителями, изрѣдка возставая противъ Татарскихъ баскаковъ, пріѣзжающихъ въ русскія земли за сборомъ дани.

Отношенія же Болоховцевъ и ихъ единомышленниковъ къ Татарамъ и князьямъ дома Владимира иныя. Эти отношенія, а вмѣстѣ и мотивы своеобразнаго дѣйствованія „городовъ, сѣдящихъ за Татари“, и „людей Татарскихъ“ выясняются изъ анализа характера всего ихъ движенія.

Необходимо прежде всего отмѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ возможность узнать изъ лѣтописи хотя нѣкоторыя подробности о тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ, подчинившихся непосредственно Татарамъ, ясно открывается непринужденность и добровольное согласіе на такое подчиненіе.

¹⁾ Ип., 518--519.

²⁾ Князья Михаилъ Черниговскій, его сынъ Ростиславъ, Даниилъ и народныя толпы, которыя забѣгали даже въ Саксонію.

³⁾ Ип., 521, 523.

Нѣтъ надобности много останавливаться на соглашеніи Болоховцевъ съ Татарами. Слишкомъ очевидно, что, при первомъ опустошеніи южной Руси, послѣдніе не оставили бы въ покоѣ Болоховскую землю, еслибы жители послѣдней сами не пошли на встрѣчу соглашенію. Добровольность послѣдняго признаетъ и г. Любавскій.

Но, когда гроза перваго и самаго ужаснаго Татарскаго нашествія миновала, когда началось болѣе или менѣе правильное улаженіе отношеній побѣдителей и побѣжденныхъ, когда Данилъ побывалъ въ Ордѣ, „и поручена бысть земля его ему, иже бѣаху съ нимъ“¹⁾, когда отношенія Данила съ Татарами стали на время вполне мирными, очевидно, нужна была совсѣмъ добрая воля для того, чтобы, оставляя единеніе съ государствомъ Данила, идти въ прямое подчиненіе Татарамъ. Наклонность однако къ такому подчиненію, очевидно, выказалъ какой-то Андрей, стоявшій во главѣ Кременца, запасшійся Батыевой грамотой и „державшій неправду во сердци“²⁾. Быть можетъ, примѣръ Болоховцевъ повліялъ и на жителей Бакоты, потому что самый видный человекъ этого города, Милѣй, который „приложися“ къ Татарамъ уже при первомъ появленіи ихъ³⁾, повидимому, опирался на поддержку гражданъ, между тѣмъ какъ жители бывшаго невдалекѣ Кременца, кажется, не выказали никакой готовности къ отпаденію отъ своего князя, хотя Андрей колебался, и отстояли свой городъ и во время рати Куремсиной, какъ защитились во время Батыева нашествія.

Лѣтопись не сообщила намъ никакихъ данныхъ, по которымъ мы могли бы хотя приблизительно опредѣлить, когда произошло отпаденіе отъ Данила другихъ городовъ, принадлежавшихъ ему на восточной окраинѣ, его владѣній, именно Межибожья и Возьвягля: мы не знаемъ, случилось ли это еще до открытаго разрыва Данила съ Татарами, или же послѣ того, какъ Татары предъявляли уже рѣзко вопросъ о признаніи верховной власти либо ихъ, либо Данила⁴⁾. Но,

¹⁾ Ип., 537.

²⁾ Ibid., 550.

³⁾ Ib., 549. Нѣтъ основаній предполагать, что выраженіе „приѣхаша Татарѣ ко Бакотѣ“ надо истолковывать въ смыслѣ появленія Татарской рати, а не въ смыслѣ простаго приѣзда баскака, можетъ быть, въ силу предварительной посылки къ Татарамъ изъ Бакоты.

⁴⁾ Такую дилемму слышимъ изъ устъ Андрея, который иногда говоритъ: „королевъ есмь“, а въ другіе разы называлъ себя „Татарскимъ“. Ип., 550.

если бы даже предположить послѣднее, врядъ ли непосредственное подчиненіе Татарамъ тѣхъ или иныхъ мѣстностей состоялось бы насильственно, безъ предварительной готовности послѣднихъ. Почему Татары не покорили себѣ непосредственно всю Кіевскую землю и плодородныя мѣстности Волини къ западу отъ Болохова? Очевидно, потому, что населеніе этихъ земель не обнаруживало ни малѣйшей склонности къ тому, и Татары не могли рассчитывать обратить его въ „людей Татарскихъ“. А между тѣмъ оно должно было страдать и страдало отъ нашествія Татаръ послѣ разрыва ихъ съ Данииломъ не менѣе городовъ и мѣстностей, непосредственно поддавшихся Татарамъ. Жители же этихъ городовъ и мѣстностей, подидимому, упорно сопротивлялись Даниилу¹⁾ и въ концѣ концовъ надолго отдѣлились отъ Галицко-Волинскихъ княжествъ: по крайней мѣрѣ, послѣднія въ концѣ правленія Даниила и при его преемникахъ уже не простирались на востокъ далѣе р. Горыни и Шумска²⁾ и навсегда лишились Познѣя, такъ что Подолье возвратилось въ русскій (литовскій) государственный организмъ лишь во времена Ольгерда³⁾.

Ясно, что первенствующимъ мотивомъ въ непосредственномъ самоподчиненіи Татарамъ должно признавать не неизбѣжную „необходимость“, не страхъ передъ ними и не опасеніе разгрома, которые были присущи и всѣмъ русскимъ землямъ, соприкасавшимся съ Татарами, а ожиданіе какихъ-то особенныхъ выгодъ. О надеждѣ Болоховцевъ на такія выгоды лѣтописецъ прямо говоритъ въ словахъ: „Данилъ же на нѣ болшую вражду (держа), яво отъ Татаръ болшую надежду имѣаху“⁴⁾. Очевидно, то не было простое подчиненіе. Оно было сопряжено съ особой надеждой.

Эта надежда касалась не одного огражденія отъ подчиненія Даниилу. Выгоды, ожидавшіяся отъ присоединенія къ Татарамъ, должны были отличаться болѣе общимъ характеромъ, если въ стремле-

¹⁾ Упорное сопротивленіе Болоховцевъ достаточно ясно изъ продолжительности борьбы съ ними: и послѣ крайняго разоренія ихъ земли, рассказаннаго въ лѣтописи подъ 1241 г., они не перестали быть противниками Даниила и изъявили было покорность ему, какъ и другіе, отпавшіе вмѣстѣ съ ними, лишь послѣ двукратнаго похода войскъ Романовичей.

²⁾ Ип., 588 и 562. Липа, о которой говоритъ Ип., 588, кажется, — р. Золотая Липа.

³⁾ Только Межибожье, повидимому, было возвращено подъ власть Волинскихъ (Луцкихъ) князей, какъ видно изъ документа 1366 г.

⁴⁾ Ип., 526—527.

ніи къ нимъ объединялся цѣлый рядъ мѣстностей, прежде не возставшихъ противъ Даниіла, каковы Возвыгль и Потетеревскіе города ¹⁾. Преимущества непосредственнаго подчиненія Татарамъ могли состоять въ болѣе обеспеченномъ житѣи подъ эгидою Татаръ ²⁾, а также въ возможности избѣжать тягостей и утѣсненій, сопряженныхъ съ княжескимъ управленіемъ Рюриковичей. Въ Галицко-Волынской лѣтописи говорится не разъ о притѣсненіяхъ со стороны бояръ и княжескихъ чиновниковъ. Нелюбовь къ послѣднимъ проглядываетъ какъ будто въ свѣдѣніи о Возвыглянахъ, занесенномъ въ лѣтопись: „Възвыгляне же солыгаша Шварномъ, поемше тивуна не вдаша ему тивунити“ ³⁾.

Нерасположеніе къ системѣ управленія и вообще къ порядкамъ, сложившимся въ удѣльно-вѣчевой періодъ, когда населенію приходилось нерѣдко страдать отъ княжескихъ усобицъ и боярскихъ угнетеній, переходило, повидимому, и въ нерасположеніе къ самой княжеской власти, какою она являлась въ лицѣ князей изъ дома Владимира св. Иначе какъ же объяснить полное отсутствіе князей въ городахъ и земляхъ, непосредственно подчинившихся Татарамъ? Видимо отпавшіе сопротивлялись не Даниілу только въ силу его централизационныхъ стремленій, но и вообще княжеской власти: въ противномъ случаѣ они могли бы подъ покровительствомъ Татаръ приглашать угодныхъ себѣ изъ множества князей, какъ то дѣлали Новгородъ и Псковъ. Между тѣмъ мы не видимъ князей не только въ Межибожьѣ, у Возвыглянъ ⁴⁾, у жителей городовъ, „сѣдящихъ за Татары“ и у „людей Татарскихъ“; съ 1241 г. нѣтъ упоминаній о князьяхъ и у Болоховцевъ. Сидѣли ли прежде упомянутые лѣтописью Болоховскіе князья въ плѣну у Даниіла, или же совсѣмъ затерялись въ массѣ населенія своей земли, мы не знаемъ. Но и знать это не особенно важно: уже не малое количество этихъ князей и постоянное появленіе цѣлою группою до 1241 г. ⁵⁾ какъ бы указываетъ на значительное дробленіе и во всякомъ случаѣ на отсутствіе централи-

¹⁾ Не называю Бакоты и Межибожья, гдѣ могли отзываться еще крамолы прежняго времени. См. напр., Ип., 505—о „Борисѣ Межибожскомъ“.

²⁾ Характерно выраженіе: „города, сѣдящія за Татары“ (Ип., 555): оно какъ бы указываетъ на то, что жители ихъ надѣялись укрыться за Татарскою грудью.

³⁾ Ип., 555.

⁴⁾ Противниками Даниіла въ Возвыглѣ оказываются „гражанѣ“: Ип., 556.

⁵⁾ Ип., 511; „иши князи Болоховьсци“...; 516: „вси князи Болоховьсци“.

заци въ Болоховской землѣ. Естественно при этомъ, что Болоховскіе князья совсѣмъ уже обрацались какъ бы въ мѣстныхъ земскихъ старшинъ. Характерна въ связи съ этимъ отмѣченная выше вѣрная связь Болоховскихъ князей съ землею, во главѣ которой они стояли.—Въ Побожьѣ и Понизьѣ ниже Бакоты. б. мож., даже не было настоящихъ городовъ. По крайней мѣрѣ, въ моментъ завоеванія Подольской земли Литвою вѣкъ спустя тамъ, по словамъ Литовско-Русской лѣтописи, „не былъ ни оди́нъ городъ ни деревомъ рубленны, ни каменемъ будованы“¹⁾. Ясно, что отпавшія къ Татарамъ земли пребывали въ общинномъ строѣ, и инныя изъ нихъ не имѣли даже укрѣпленныхъ городовъ. Недаромъ лѣтопись называетъ противниковъ Даніила по именамъ мѣстностей: „Бѣлобережци, Чернятинци, Болоховци, Възвягляне, люди Татарьскыя“. Видимо всѣ они предпочитали княжескому управленію вѣчевой строй безъ княжеской власти.

Для уразумѣнія всего этого движенія интересно, наконецъ, оль постепенно оно разрасталось все болѣе и болѣе: сначала къ Татарамъ примкнули одни Болоховцы, а потомъ жители Бакоты (и всего Понизья?), Межибожцы, Возвягляне, жители Городка и Сѣмочя, городовъ по Тетереву, Побожья и такъ наз. „люди Татарьскыя“ и, можетъ быть, жители южной части Кіевской земли (Канева).

Итакъ, движеніе, приводившее южныя окраины всей юго-западной Руси³⁾ къ отпаденію отъ ея княжествъ и къ вступленію въ непосредственное подчиненіе Татарамъ, отличалось непринужденностью, значительнымъ упорствомъ и стойкостію, уклоненіемъ отъ авторитета княжеской власти, водвореніемъ народоправства и постепеннымъ разрастаніемъ.

¹⁾ Pomniki do dziejow Litewskich, Wilno 1846, str. 19. Въ Бакотѣ только „были черницы въ горе“; остатки Бакотскаго монастыря изслѣдованы В. Б. Антоновичемъ.

²⁾ Не называю Бѣлобережцевъ и Чернятинцевъ, потому что неизвѣстно, принадлежали ли они къ Болоховцамъ, или же были отдѣльными участниками разсматриваемаго движенія.

³⁾ Бакота принадлежала къ Галицкому княжеству, Возвягль и Межибожье—къ Волини (Ип., 502; потомъ виднѣ въ Межибожьѣ какого-то Бориса—Ип., 515); Болохово XIII в. охватывало отчасти западный уголъ Кіев. земли, какъ она установилась въ XII в.; города по Тетереву составляли также окраинную линію укрѣпленій Кіевской земли; принадлежало къ послѣдней и верхнее Побожье (Божскій и Межибожье).

Эксцентричность этого движенія будетъ вполне понятна, если выйдемъ въ тѣ отношенія, въ какія становились „города, сѣдящая за Татары“ и „люди Татарскыя“ къ ордамъ, столь страшнымъ и ненавистнымъ для остального христіанскаго міра, Русскаго и западнаго.

Для опредѣленія этихъ отношеній имѣются довольно обстоятельныя данныя, сохранившіяся въ западныхъ извѣстіяхъ со словъ лицъ, близко знавшихъ порядки, установившіеся въ Татарскихъ земляхъ¹⁾. Оказывается, что народцы, добровольно подчинившіеся Татарамъ, должны были поставлять послѣднимъ воиновъ, сражавшихся въ первыхъ рядахъ. Слѣдовательно, и Болоховцы и ихъ единомышленники, при нашествіяхъ татаръ на Даніиловы земли, должны были выступать въ свирѣпыхъ полчищахъ Татаръ противъ своихъ же братьевъ и единовѣрцевъ.

¹⁾ Одно изъ этихъ лицъ — какой-то архіеи. Петръ, о которомъ см. въ моеи брошюрѣ „Первая унія юго-западной Руси съ католичествомъ“, К. 1884, стр. 11 и слѣд. Этотъ архіепископъ Петръ говорилъ въ 1245 г. о Татарахъ, „quod satis observant foedera illis qui se sponte illis tradunt accipientes ab eis bellatores, artifices ad varias servitutes“: *Annales de Burton*, Lond., 1864, p. 274 (*Annales monastici*, vol. I). У Маттея Парижскаго есть въ передачѣ этого извѣстія нѣкоторая интересная отиѣнка: „accipientes sibi de illis *electos* bellatores, *quos semper praehiantes praeponiunt*“. *Matthaei Parisiensis, monachi sancti Albani, chronica majora*—Ed. by Luerd, vol. IV, Lond., p. 389. Въ особенности интересно какъ бы прямо подходящее къ Болоховцамъ и „людямъ татарскимъ“ извѣстіе, которое сообщилъ въ 1241 г. (слѣдовательно, вскорѣ послѣ заключенія Болоховцами союза съ Татарами) палскому легату, „episcopo Peruttino“, „Frater Iulianus, fratrum ordinis Praedicatorum in Ungaria servus“: „Milites autem fortes et rusticos ad proelium ante se mittunt armatos ad proeliandum sine sponte; alios vero rusticos, ad proeliandum minus aptos, *relinquunt ad colendam terram*; et omnium, tam ad proelium compulsorum, quam occisorum uxores, filias et cognatas dividunt ad singulos viros terrae cultui relictos, cuilibet decem vel plures assignantes, et *imponunt eisdem ut de cetero Tartari nuncupentur*“. См. у *Erben*, *Regesta*, p. 475. Сообщение Юліана заслуживаетъ вниманія тѣмъ болѣе, что исходило отъ лица, посѣтнвнаго Русь („Nunc autem, cum in finibus Rusciae *maneremus*, prope rei sensimus veritatem“). Ср. съ донесеніемъ Юліана рассказъ Галицко-Волинской лѣтописи о томъ, что Болоховцевъ „оставили Татарове, да имъ орють пшеницу и проса“ (Ип., 526), и о „людяхъ Татарскихъ“, а также о томъ, какъ Татары вынуждали Галицко-Волинскихъ князей принимать участіе въ набѣгахъ на польскія и литовскія земли (Ип., 560: „оже еси миренъ, поиди со мною“; ср. 581). Въ прим. 65 монографіи о Болоховской землѣ слѣдуетъ прибавить, что уже въ Половецкомъ словарѣ встрѣчается слово Каса (*Cod. Sumanicus*, XLII). По словамъ Шильтбергера (конца XIV в.), жители Великой Татаріи „изъ хлѣбныхъ растений сѣютъ одно только просо“. Барбаро (XV в.) говоритъ объ урожаяхъ пшеницы и проса у кочевой Татарской орды. О просѣ на Кавказѣ см. „Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. I, Тифл. 1881, ст. Урусбіева, стр. VIII.

Въ такія отношенія къ Татарамъ могли, очевидно, вступать не коренныя русскія земли, бывшія исконнымъ достояніемъ дома Владимира св., а лишь окраины русскаго міра, изъ которыхъ инья и прежде (въ XII в.) могли быть въ безразличныхъ отношеніяхъ уже съ Половцами, земли, въ которыхъ былъ слабъ или совсѣмъ замараль общерусскій патріотизмъ, порождавшій въ жизни такія совмѣстныя предпріятія, какъ ополченіе 1223 г., а въ поэзи тавія высоко-художественныя созданія, какъ „Слово о полку Игоревѣ“.

Болоховцы XIII в. и ихъ единомышленники, вошедшіе въ непосредственное соглашеніе съ Татарами помимо князей,—одно изъ прискорбныхъ и рѣзкихъ проявленій того разъединенія и той политической близорукости, которыя не разъ губили Русскую землю и которыя были, между проч., и причиною порабоженія ся Татарами, вслѣдствіе того, что массѣ послѣднихъ не былъ противопоставляемъ отпоръ со стороны сборнаго ополченія всей Руси. Города и земли, подчинившіеся непосредственно Татарамъ, сносили терпѣливо баскаковъ, явившихся къ нимъ, повидимому, уже съ самаго начала¹⁾, и предпочитали житье въ общеніи съ Татарами пребыванію въ единеніи съ тѣмъ, болѣе или менѣе крупнымъ, политическимъ организмомъ, какой стремился образовать изъ южнорусскихъ земель Даниилъ Галицкій.

И это совмѣстное съ Татарами житье продолжалось для нѣкоторыхъ мѣстностей, напр., для Познзья и Побожья, очень долго—болѣе вѣка.

На основаніи всего сказаннаго, кажется, можно съ полнымъ правомъ утверждать, что высказанное въ монографіи о Болоховской землѣ²⁾ мнѣніе о стремленіяхъ южнорусскихъ окраинъ во время и

¹⁾ Такъ, встрѣчаемъ баскака въ Бакотѣ (Ип., 550). Г. Молчановскій, „Очеркъ“, стр. 149—149, предполагаетъ, что въ выраженіи лѣтописи: „иша Милѣя баскака“ надо раздѣлять слова Милѣя баскака союзомъ и, какъ было въ старомъ изданіи Галицко-Волынской лѣтописи. Дѣйствительно, имя Милѣй не есть инородческое (по словамъ г. Молчановскаго, стр. 150, „имя Милѣй нѣсколько напоминаетъ черноклобучкія и половецкія имена“), а христіанское (Милій). О баскакахъ при Киевскомъ князѣ Феодорѣ въ 1331 г. было уже упомянуто выше. О баскакахъ на Подолѣ см. извѣстное мѣсто 2-й Литовско-Русской лѣтописи: „положены были на Подолѣ атаманы, которые вси доходы заведали, а къ нимъ приѣзжали Баскаки Татарскіе, и въ тыхъ Атамановъ беручи дани, къ Орде возивали“ (Ромп. do dziejow Litewskich, str. 19).

²⁾ Ранѣе въ не вполне развитомъ видѣ это мнѣніе было высказано въ монографіи о княз. Дан. Гал., стр. 61—62: тамъ говорилось, между проч., и о Приднѣпровьѣ, и не

послѣ Татарскаго погрома XIII в. къ выдѣленію себя изъ остального русскаго міра и къ водворенію у себя общиннаго строя безъ княжеской власти и подъ непосредственнымъ покровительствомъ Татаръ не справедливо и не научно считать „простыми догадками, не имѣющими подъ собою *никакой* почвы въ историческихъ свидѣтельствахъ“.

Болѣ основательнымъ можетъ показаться скептицизмъ касательно позднѣйшихъ Болоховцевъ и Подольскаго козачества, но разсмотрѣніе вопроса о нихъ отлагаю до особой статьи.

Н. Дашкевичъ.

была приурочена къ этому движенію лишь Бакота, отпаденіе которой сблизилъ съ Болоховскимъ движеніемъ впервые г. Молчановскій. Г. Грушевскій касался лишь вскользь южнорусскаго общиннаго движенія XIII в. въ своемъ „Очеркѣ исторіи Кіевской земли“ и представилъ подробный и цѣльный очеркъ всего этого движенія въ статьѣ: „Громадський рух на Україні-Руси въ XIII віці“ („Записки товариства імени Шевченка“, ч. I. Льв. 1892, стр. 1—28), которую г. Любавскій оставилъ безъ вниманія въ своей критикѣ.